

РОССИЯ
ДЕРЖАВНАЯ

ВИКТОР
СМИРНОВ

КОЛОКОЛ
И
ДЕРЖАВА

Россия державная

Виктор Смирнов
Колокол и держава

«ВЕЧЕ»

2017

Смирнов В. Г.

Колокол и держава / В. Г. Смирнов — «ВЕЧЕ», 2017 — (Россия державная)

ISBN 978-5-4484-7166-7

Вечевой колокол – символ вольницы новгородской и потому враг государства, в котором все должно быть подчинено державной власти, власти князя Московского. Наделенный большим разумом государь Иван III высоко сидит, далеко глядит и видит единственно верный путь для русских земель в том, чтобы собрать их воедино под крепкой рукой. Только так, по мнению мудрого князя, можно достичь процветания и благоденствия для всех, однако и в Великом Новгороде люди не глупы. И свое мнение имеют. И хотят отстаивать свое исконное право созывать шумное и буйное вече, самим решать, как жить. А кто прав – история рассудит.

ISBN 978-5-4484-7166-7

© Смирнов В. Г., 2017
© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Часть первая. Град обреченный	6
Глава 1. Совет господ	6
1	6
2	10
3	12
Глава 2. Посольство	15
1	15
2	15
3	16
4	17
5	18
6	20
Глава 3. Слепой жребий	23
1	23
2	24
3	25
4	26
Глава 4. Искуситель	27
1	27
2	27
3	28
4	30
Глава 5. Марфа посадница	31
1	31
2	32
3	33
4	36
Глава 6. Страсти накаляются	39
1	39
2	39
3	41
4	42
Глава 7. Митя Малой	44
1	44
2	47
3	49
4	50
5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Виктор Григорьевич Смирнов

Колокол и держава

© Смирнов В.Г., 2017

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2018

Часть первая. Град обреченный

Если находящиеся у власти проявляют наглость и корыстолюбие, то население начинает враждебно относиться и к ним, и к тому государственному строю, который дает им такую возможность.

Аристотель

Глава 1. Совет господ

1

В лето 1470-е от Рождества Христова случилась в Великом Новгороде странность. Среди ясного сентябрьского полдня вдруг проливным дождем закапала вода с молодых тополей на Федоровой улице и к вечеру так же внезапно прекратилась. Казалось бы, ну и что тут диковинного, тополя на то и посажены, чтобы осушать влажную новгородскую почву. Ан нет, тотчас поползли по городу опасливые разговоры: ох, не к добру деревья плачут! Старики, сидевшие с удочками на городском мосту, принялись вспоминать все худое последних лет: пожары, слизнувшие целые улицы, сами собой зазвонившие колокола в Хутыни, сломанный внезапной бурей крест Святой Софии. Видать, прогневался Господь по грехам нашим!

Дурные вести не сидят на насесте. Не успели утихнуть эти разговоры, как пополз новый слушок. Будто бы вдрызг, до драки перелаялись меж собой новгородские власти, а про что спорили и до чего договорились, доподлинно неизвестно. И от этих слухов шире поползла по городу зловещая трещина раздора.

На самом деле случилось вот что.

Три дня назад владычные бирючи скликнули именитых граждан на заседание городского правительства, именуемого советом господ, или просто господой. В означенный час к воротам Детинца стали прибывать старые и новые посадники, тысяцкие, старосты и сотские, всего до полусотни новгородских граждан разных званий и состояний. Спешившись и оставив коней отрокам, народные избранники важно шествовали к владычному двору. Высоких гостей поклонами встречал хитроглазый монах в шелковой рясе. То был ключник Пимен, правая рука и доверенное лицо архиепископа Ионы.

По давней традиции Пимен предложил именитым гражданам до начала заседания осмотреть владычный двор, построенный предшественником Ионы – архиепископом Евфимием. Двор занимал северо-западный угол Детинца и являл собой целый город в городе. Со сдержанной гордостью рачительного хозяина Пимен показывал гостям службы и рукодельни: златошвейные, ювелирные, ткацкие, иконописные мастерские, сушила, поварни, кузни, квасные, скотный и конюшенный дворы, бани, колодцы, склады и погреба. В подробностях описывал последние новины: водопровод и канализацию. Вот, извольте видеть: по этим трубам поступает чистая вода, по этим помои и нечистоты стекают в крепостной ров, а оттуда в Волхов. Самым любопытным разрешил осмотреть отхожие места, именуемые на иностранный манер «гардеробами», оборудованные удобными стульчаками, вентиляционными люками и водосливами. Дивились «гардеробам» даже самые избалованные бытовой роскошью бояре, привыкшие у себя в теремах по-дедовски сидеть орлом.

Затем процессия потянулась к Софийскому собору. В белоснежном, увенчанном золотым куполом храме обитали душа и сердце Господина Великого Новгорода. Толстые стены

храма хранили много такого, о чем было ведомо только избранным, в потайных нишах сберегалась казна республики.

По полутемной круговой лестнице народные избранники гуськом поднялись на хоры. Пимен тремя ключами отпер тяжелую кованую дверь ризницы, и взорам гостей предстали копившиеся веками несметные богатства дома Святой Софии. В слабом свете, пробивавшемся сквозь узкие окна, мягко сияла драгоценная утварь: дарохранительницы, ковши, водосвятные чаши, потиры, сионы, кратиры, рипиды, дикирии и трикирии, дискиосы, кадила, лампы, тарели и панагиары, наперсные и напестольные кресты. По стенам висели образа в златокованных окладах, в углах прислонились владычные посохи изумительной византийской работы. В лубяных коробах сберегались парадные облачения владык: мантии и фелони, омофоры и саккосы, митры и клобуки.

Из ризницы перешли в библиотеку, где помещалось самое богатое книгохранилище на Руси. На дубовых полках тесными рядами стояли манускрипты в кожаных переплетах и дорогих окладах. Были тут творения святых отцов и древних философов, жития святых и «хождения» путешественников, ученые трактаты и травники. По пути заглянули в книгописную мастерскую, где трудились согбенные писцы. Храмов на Новгородской земле много, богослужебных книг не хватает, посему работают писцы не только денно, но и ночью. Тут же корпел над пергаментным свитком старенький софийский летописец, краткими словесами запечатлевая главные события новгородской и русской жизни.

Когда часы на высокой сторожне Детинца пробили дважды, именитые горожане перешли во владычную палату – выстроенное в готическом стиле трехъярусное каменное здание. Здесь, в парадном зале под гранеными сводами, опиравшимися на мощный столп, новгородские власти принимали послов, заключали договоры, обсуждали самые важные дела, прежде чем вынести их на суд городского веча.

Оживленно переговариваясь, народные избранники расселись на широких лавках, расставленных вдоль стен. И по тому, как они разместились, сразу обозначилось внутреннее устройство Господина Великого Новгорода. В городе пять самоуправляющихся общин, именуемых концами – Неревский, Людин и Загородский на Софийской стороне, Славенский и Плотницкий на Торговой. К концам тяготеют свои обширные колонии, именуемые пятнами. В каждом конце есть свои могучие боярские кланы, которые яростно борются за власть в городе. С недавних пор посадников и тысяцких стали выбирать каждый год, а то и чаще, чтобы каждый клан мог выдвинуть своих представителей. Свар между боярами и впрямь стало меньше, зато взволновалась простая чадь: сильненькие меж собой теперь договорятся, а нас кто защитит?

Коротая время в ожидании владыки, именитые граждане разглядывали росписи владычной палаты. С восточной стены на них взирал Спаситель с раскрытой книгой, где читались слова: «Не на лице зряще судите, сынове человечести, но праведен суд, имже бо судом судите, судитесь и вам». Лик у Спасителя строгий, взор осуждающий. И то сказать, мало правды стало в Великом Новгороде, развелось множество наемных клеветников и ябедников, чуть что, затаскают по судам, сам рад не будешь, что связался.

На северной стене изображен старец, летящий по небу на черном коне. Заметив любопытствующие взоры, Пимен поведал гостям старинное предание:

– Было то в стародавние времена. Умываясь однажды поутру, услышал владыка Иона странные звуки из рукомойника. Понял владыка, что без нечистого тут не обошлось, и осенил рукомойник крестным знаменем. И возопил жалобно запертый бес, пообещав исполнить любое желание владыки. И сказал Иона: «За дерзость твою повелеваю тебе нынешней же ночью донести меня из Новгорода в Иерусалим-град ко Гробу Господню». Повиновался нечистый святому отцу, но с условием, что никто не узнает о его позоре. На том и порешили. Обернулся бес черным жеребцом и вмиг доставил Иону ко Гробу Господню и в ту же ночь воротил обратно. Долго хранил владыка тайну, но потом не выдержал и рассказал о своем приключении

одному своему приближенному. И вознегодовал бес и решил отомстить. Стали новгородцы примечать неладное: то юную отроковицу, выходящую из кельи архиепископа, то женскую обувь на пороге, то монисто на ложе. И порешили новгородцы изгнать из города грешного святителя. Посадили его на плот да и оттолкнули от берега Волхова. Но случилось тут диво дивное! Поплыл плот не вниз, а вверх по течению. И поняли новгородцы, что напраслину возвели на своего владыку, и просили у него прощение, и он им его даровал. А в селе Юрьеве, где пристал тот плот, стоит теперь честной крест в память о свершенном чуде.

Рассказ ключника вызвал оживленные споры. Большинство посчитали, что владыка был не прав. Раз уж ты дал слово, да хотя бы и черту, надобно его держать! В Новгороде исстари так заведено: спор спором, а уговор уговором.

За дверьми зазвонили серебряные колокольцы, возвещая выход архиепископа Ионы. Смешки и разговоры тотчас стихли, все поднялись, и в палату, бережно поддерживаемый под локотки двумя послушниками, вступил седенький старичок в простой черной рясе. Только белый клубок и жезл из слоновой кости, украшенный хрустальными яблоками, напоминали о высоком святительском сане.

Двенадцать лет минуло с тех пор, как жребий, вынутый слепцом, возвел на Новгородскую кафедру игумена Отенского монастыря Иону. И был в том жребии воистину Промысел Божий. Как раз такой владыка нужен был в те поры, чтобы лавировать между наливающейся тяжелой силой Москвой и вольным Новгородом с его своенравной паствой. И митрополита нынче два на Руси, один сидит в Москве, другой в Киеве, и оба тянут к себе богатейшую Новгородскую епархию. А тут еще псковичи норовят отложиться, просят у Москвы своего епископа. Сколь надо сил, терпения, изворотливости, чтобы остудить горячие головы, урезонить кичливых, не довести до войны!

В последнее время владыка все чаще задумывался о преемнике. Пимен умен, оборотист, душой предан Новгороду, но тщеславен и все норовит прислониться к сильным да богатым. А ведь еще преподобный Антоний Римлянин предостерегал церковь против угодничества властям предержавшим. Да только власть – она как костер. Далеко сядешь – замерзнешь, близко – обожжешься. Станешь хорош богатым да знатным, потеряешь доверие простой чади.

А силы уже на исходе. Нынче вот едва поднялся с постели, с трудом повесил на шею железные вериги, которые стал носить еще в бытность игуменом, только теперь они ох как потяжелели, будто в землю тянут. Отпроситься бы за немочью, воротиться в родной Отенский монастырь, прожить остаток дней в тишине и покое. Но как уйдешь, когда надвигается на Новгород такая гроза...

Прочитав краткую молитву и благословив совет господ, владыка Иона устало опустился к кресло, предоставив слово степенному посаднику Дмитрию Борецкому¹. Встал боярин лет двадцати пяти, красивый зрелой мужской красой. Светло-русовая борода по-новгородски заплетена в косичку. В левом ухе серьга с капелькой рубина. На широких плечах темно-вишневый опашень рытого бархата, талия перехвачена златотканым поясом, в распахе шелковой рубашки обнажена загорелая сильная шея.

Степенным посадником Борецкого избрали всего полгода назад. Он был старшим сыном богатой и знаменитой Марфы-посадницы и стал самым молодым новгородцем, удостоившимся столь высокой чести. Даже старики уважали Дмитрия за ранний ум, образованность и отвагу, за гордость без спеси. Для золотой новгородской молодежи он был истинным кумиром, а сколь девиц и жен новгородских вздыхали по красавцу-боярину, то и вовсе никому не ведомо.

Выйдя на середину палаты, Дмитрий поклонился сначала владыке, затем всей господе. Пряча волнение, обвел собравшихся испытующим взором, соображая, на кого можно рассчи-

¹ Степенью в Великом Новгороде назывался вечеровой помост, на который всходил главный из шести посадников (*прим. автора*).

тывать. Лошинский, Офоносов, Есипов, Василий Казимир – эти точно поддержат. Преданно глазел на старшего брата Федор Борецкий, по-уличному Дурень. Увы, природа отдохнула на братце. Сколько билась с ним мать, да только не в коня корм, в одно ухо влетает, в другое вылетает. Со скрипом протолкнули его в уличанские сотские. Должность для знатных Борецких неместная, но мать решила, что ради лишнего голоса в совете господ можно и претерпеть.

Враждебно шурятся явные противники, тяготеющие к Москве. У одних там торговый интерес, другие надеются заслужить милость великого князя Московского, третьи просто боятся войны. Самые горластые в московской партии – вот они: Овинов, Никифоров, Клементев, Туча.

Третьи и самые многочисленные – колеблющиеся. На пиры к Борецким ходят охотно, пьют широким горлом, но, протрезвев, снова начинают сомневаться. Даже вон родной тестюшка Яков Короб и тот затылок чешет, боится с Москвой рассориться.

Вчера на семейном совете мать, боярыня Марфа, заставила Дмитрия вслух повторить свою речь, чтобы не сбиться и не ляпнуть чего не след. Матерью Дмитрий всегда восхищался и до сих пор ее побаивался. Вот и в этот раз Марфа придумала хитроумный план, как склонить совет господ к союзу с Литвой. Сначала Дмитрий должен был поднять большой вопрос о новгородских владениях на Двине, на которые давно покушается Иван III, великий князь московский. Его люди обхаживают двинских бояр, соблазняя всяческими льготами, и, по слухам, уже готовится московское войско для захвата спорных территорий.

Потери Двинских земель не могли допустить даже ярые приверженцы Москвы. Богатое мехом, серебром и воском Подвинье давало добрую треть доходов вечевой республики, да и у многих присутствовавших там имелись свои вотчины. Значит, надо убедить господу спешно послать на Двину войско во главе со служилым князем Василием Гребенкой-Шуйским, дабы приструнить изменников-бояр и дать отпор, буде Москва захочет действовать силой. А поскольку в столь тревожное время город без защиты оставлять никак нельзя, надо слать послов к королю Казимиру договариваться о военном союзе.

Замысел выглядел весьма убедительно, однако что-то подсказывало Дмитрию, что вряд ли все пройдет легко и просто. Всякому ясно, что новгородского союза с Литвой Москва не потерпит, ибо по Яжелбицкому договору Новгород лишился права вести самостоятельные международные переговоры.

С двинским вопросом и впрямь управились на удивление быстро, почти без споров. В помощь князю Гребенке-Шуйскому отрядили новгородского воеводу Василия Никифоровича. Тут же составили разруб, определив количество воинов от каждого конца. Голосовали, как обычно, вставанием. Встали человек сорок, десятков воздержались.

Дмитрий облегченно вздохнул, в очередной раз восхитившись прозорливостью матери. Но теперь предстояло самое трудное. В кратких словах посадник обрисовал нынешнее положение вечевой республики. После двухлетней осады великий князь все ж таки взял Казань, развязав себе руки. Теперь его главная цель – Великий Новгород. На стороне Москвы и другие княжества, а также татарские наемники. Против такой силы Новгороду без сильного союзника не устоять. И такой союзник есть. Это король польский и великий князь литовский Казимир. У него и надо просить князя и войска.

Когда Дмитрий умолк, в палате повисла гнетущая тишина.

Первым подал голос боярин Людина конца Захарий Овин. Спросил вкрадчиво:

– Ты что же, Борецкий, никак войну нам сотворить хочешь? Как прознают на Москве, что мы с Казимиром договариваемся, тотчас пойдут на нас со всей силой. Торговлю по Волге перекроют, голод начнется. И митрополит Московский крик поднимет: с католиками связались, веру православную предали!

Овину зычно возразил славенский посадник Олферий Иванович:

– А ты, Захар, аль того не ведаешь, что Иван Московский на малом не успокоится. Всех под себя подомнет. Всю новгородскую старину порушит, сделает из нас свою вотчину. Вчера ты был сам себе господин, а завтра станешь слуга государев, хочет – казнит, хочет – милует, чихнуть не даст без своего соизволения. А с королем Казимиром можно договориться, чтобы на веру не посягал и наших привилегий не касался.

На этом разумный спор оборвался. Поднялся страшный гвалт. Заголосили, завскакивали, как камнями швырялись обидными словами. Холуи московские! Подхвостники литовские! Сановитые бояре лаялись, ровно ярыги на торгу. Дмитрий Борецкий, срывая голос, взывал к порядку, но его не слушали. Хватались за грудки, вспоминали старые обиды, дело шло к потасовке, и она не заставила себя ждать. Неревский тысяцкий сцапал за бороду славенского посадника, тот извернулся и с размаху влепил противнику звонкую затрещину.

Разное видали стены владычной палаты, но до такого безобразия еще не доходило. И не миновать бы общей свалки, но тут случилось вовсе невероятное. Словно выброшенный пружиной из своего кресла, владыка Иона подскочил к дерущимся и начал охаживать их своим посохом, приговаривая:

– Вот я вас, греховодники! Аль забыли, где вы есть?!

Вид почтенного старца, побивающего посохом здоровенных мужей, был до того уморительным, что вся господа разразилась могучим хохотом. Громче всех хохотали сами побитые драчуны.

Отдышавшись, владыка долго и укоризненно молчал, потом заговорил, веско роняя слова.

– Дети мои неразумные! Какой пример народу подаете, а ведь сказано в Писании: худые сообщества развращают добрые нравы!

– Как быть, владыка? Дай совет! – слышались голоса.

Иона помолчал раздумчиво, потом сказал:

– Есть в Киеве князь Михайло Олелькович. Он хоть и у короля Казимира в подданстве, но веры православной. Да к тому же приходится двоюродным братом великому князю московскому. Его и зовите!

Господа многозначительно переглянулись. Вот голова! И волки сыты, и овцы целы. Глядишь, и впрямь Михайло с Иваном договорятся по-родственному и до войны дело не дойдет.

Голосовали дружно. Послами в Киев назначили двух именитых горожан: Панфила Селифанова и Кирилла Макарьева.

Дмитрий облегченно перевел дух. Теперь решение совета предстояло утвердить на городском вече, но после того как господа договорилась меж собой, за исход веча можно было не волноваться.

На этом совет закончился. Владыка Иона устало поднялся и, поддерживаемый Пименом, направился к выходу. У порога обернулся, молвил пророчески:

– Веру нашу берегите. Без веры быть Новгороду пусты.

Переглянулись. Никак прощается? И всех разом охватило тревожное предчувствие грядущего сиротства. А ну как помрет? Как есть пропадем!

К Дмитрию подошел боярин Яков Короб. Похлопал по плечу, позвал в гости. Зять испытующе покосился на тестя: не проведал ли старый хрыч про его венгерское приключение? Но широкое лицо Короба было безмятежно. Слава тебе, Господи, не знает! А там, глядишь, обойдется!

2

Этой весной новоиспеченный посадник Борецкий ездил с посольством в Венгрию. Ганзейский союз в очередной раз объявил Новгороду торговую блокаду, и совет господ решил про-

щупать обходные пути в Европу. Была еще одна цель, тайная. Сомневаясь в короле Казимире, господа задумались о союзе с венгерским королем Матиасом Корвином, прославившимся своими военными подвигами. Ответственное дело доверили Дмитрию Борецкому не без опаски, больно молод и неопытен, и согласились только под давлением Марфы и ее ближних.

Дело не заладилось с самого начала. Короля Матиаса в его столице Буде не оказалось, он спешно ускакал воевать в Чехию. Венгерские купцы особого интереса к новгородцам не проявили, опасаясь ссориться со всесильной Ганзой. Чтобы не возвращаться уж вовсе с пустыми руками, решили прикупить табун лошадей знаменитой венгерской породы.

Знающие люди посоветовали Борецкому ехать в имение Эчед в отрогах Карпат, которое славилось на всю Венгрию породистыми конями и лучшим вином. На третий день пути путешественники увидели прилепившийся к горному склону старый замок. Но им и тут не повезло. Владельцы имения братья Батори уехали на охоту, обещав вернуться только через неделю. За хозяйку в замке оставалась их сестра, недавно овдовевшая графиня Анна.

То, что случилось дальше, было похоже на наваждение. Словно какая-то дьявольская сила кинула друг к другу новгородского боярина и венгерскую графиню. Каждое утро Дмитрий и Анна садились на коней и ехали в горы. В Карпатах бушевала весна, благоухали сады, гремели соловьи. Графиня была чудо как хороша в легком мужском камзоле, из выреза которого рвалась наружу упругая грудь. На белокурых, высветленных шалфеем волосах красовалась шапочка с журавлиным пером. Вишневые глаза смотрели темно и загадочно.

Вот когда пригодилась Дмитрию ненавистная латынь, которой его с детства пичкали домашние учителя. Графиня была приятно удивлена, узнав, что русские, которых в Европе считали варварами, оказались вполне цивилизованными людьми.

Она вместе отбирали коней, за которые Дмитрий заплатил не торгуясь. Вместе спускались в винные погреба замка, и Анна сама наливала ему на пробу янтарное вино из огромных бочек.

– Это токай, – говорила она, – вино королей и король вин. Его сладость и крепость возрождают человека. Оно приводит в действие разум и зажигает пламя любви.

Насчет разума получилось как раз наоборот, зато насчет любви все оказалось чистой правдой. И однажды ночью Дмитрий очнулся на медвежьих шкурах перед огромным камином. Багровые отсветы пламени играли на атласном бедре графини.

– Ты красив, как Парис, – шептала Анна, теребя его русые кудри.

– Если бы я был Парис, – отвечал польщенный Дмитрий, – я отдал бы золотое яблоко тебе, моя Афродита!

– Как жаль, что скоро нам придется расстаться.

– Я не хочу расставаться, – пугался Дмитрий. – Выходи за меня замуж! Я богат. У меня земли больше, чем у вашего короля.

– Но ведь ты, кажется, чуточку женат, – смеялась Анна.

– Пустое! – пьяно отмахивался Дмитрий. – Ради тебя я брошу все.

– Знаешь, Деметрий, – говорила она, отдышавшись после очередной любовной схватки, – летом у нас рай, зато зимой в замке холодно и страшно. Мои братья превратились в свирепых зверей. Они сажают пленных на кол и варят их живьем в кипятке. Когда они не воюют или не охотятся, они устраивают в замке дикие оргии. Я боюсь их. Теперь они хотят выдать меня за богатого старика из Трансильвании, чтобы получить выкуп и завладеть имением.

– Поедем со мной! Мы будем далеко, и твоя братья не достанут нас!

– Да, любимый! Увези меня! – страстно шептала Анна. – У меня есть священник. Он обвенчает нас. И тогда братья не смогут удерживать меня.

На следующий день католический священник тайно обвенчал их в домовомой церкви. А ночью Анна разбудила Дмитрия.

– Вернулись братья! – в ужасе шептала она. – Они все знают и хотят тебя убить. Беги, любимый! Заклинаю, беги!

Всю обратную дорогу Дмитрий был сам не свой. Все смешалось в его душе: боль потери, жгучий стыд (струсил, сбежал!), запоздалое чувство вины перед женой и страх огласки. О его тайном венчании вроде бы никто из посольства не знал, но вдруг! Свинья скажет борову, а боров – всему городу...

3

Вскороги после достопамятного совета господ Дмитрия Борецкого призвал к себе московский наместник Яков Захарьин. Сначала посадник думал отнекаться за недосугом, но после совета с матерью решил все же ехать, дабы раньше времени не обострять отношения с великим князем.

Горбоносый венгерский конь бодро выстукивал копытами по сосновым плахам мостовой. Чуть сзади рысил оруженосец Прокша, дюжий молодец со шрамом через все лицо. Совсем молодым отроком Прокша прибил к ушкуйникам, ходил с ними на Двину, за малым не погиб в сражениях с туземными племенами и насквозь пропитался ватажным духом. Дмитрий ценил его за веселый нрав, собачью преданность и всюду брал с собой.

Миновав богатые усадьбы Неревского конца, выехали на Великий мост, с самого утра забитый народом. Вслед ему несло:

- Борецкий Митька, сынок Марфин! Ишь, красуется!
- Недолго ему красоваться! Скоро Москва всем боярам укорот сделает!
- Чему радуешься, ослеп! ² Москва нам всем укорот сделает.

Жеребец Дмитрия вдруг всхрапнул, пошел боком и толкнул краснощекую торговку свежей рыбой. Торговка шлепнулась наземь. Из рогожного куля со льдом поползли, разевая рты, еще живые лещи, судаки и сиги.

– Поберегись, назем, говно везем! – крикнул Прокша. – Что раззявилась, глазопялка! Людей не видела?

Да не на ту нарвался. Баба оказалась языкатая и боярского слуги ничуть не испугалась. Проворно вскочила, оправила подол и, уперев руки в боки, разразилась заковыристой бранью:

– Белебенья, буслай, чужаяд! Чтоб тебя громом убило, черт веревочный! Чтоб у тебя уд на лбу вырос!

Слегка ошарашенный таким отпором, Прокша в долгу не остался:

- Трупёрда! Ишь, как тебя разнесло. Поперек себя шире!
- Мухоблуд! Вымесок!
- Затетеха! Захухря!
- Бзыря! Негораздок!
- Колотовка! Куёлда!
- Выпороток! Божедурье!
- Ездова печная!
- Мордофиля!

Кругом хохотал народ, подбадривая искусных ругателей.

Наконец Дмитрию надоел этот бранный поединок, и он двинулся дальше, бросив торговке серебряную монету.

– Храни тебя Господь, боярин! – крикнула та ему вслед. – А только слуга у тебя все одно дурень!

² Название русской палицы (дубины). То же, что остолоп.

– Лихие у нас бабы в Новгороде, – довольно ухмыльнулся Прокша. – Никому спуску не дадут.

Справа открылся причал, запруженный судами и суденышками разного вида и предназначения. Были тут и курносые рыбацкие соймы, и узкие, как шуки, ушкуи, и пузатые грузовые барки, и изящные лоды, и вместительные насады. Тут же прямо с плотов торговали сеном и дровами. По сходням шустро бегали грузчики с товарами для Немецкого двора. Знакомый ганзейский купец, следивший за разгрузкой, приветственно помахал Дмитрию шляпой:

– Херр посадник! Мой почтений!

– Это кого он хером назвал! – вскинулся Прокша.

– Уймись ты! – осадил ретивого слугу Дмитрий. – Херр – это «господин» по-ихнему.

Всадники спустились к самой воде и пошли галопом, с хрустом давя копытами коней россыпи ракушек, усеявших берег обмелевшего Волхова. И вот уже вдалеке замаячил окруженный высоким тыном холм Городища. Здесь исстари жили новгородские князья, а теперь поселились московские наместники.

Миновав ограду, Дмитрий спешил и под настороженными взглядами московских стражников по дощатому настилу к высокому терему. Навстречу уже шел, растопыря руки, будто собираясь поймать гостя, низенький толстяк в зеленом кафтане и красных сапогах на высоченных каблуках. Ишь, каблуками росту добирает, насмешливо подумал Дмитрий.

В просторной горнице уже ждал накрытый стол.

– Что давно не заглядывал, посадник? – наливая вина, укоризненно молвил Захарьин.

– Да все недосуг. Дела, – пожал плечами Дмитрий.

– Слышал я про ваши дела, – многозначительно мигнул наместник. – И про то ведаю, что князя себе из Литвы хотите звать.

– Князь Михайло Олелькович веры православной и вашему государю сродственник, – сухо ответил Борецкий.

– Не вашему, а нашему, – ласково поправил наместник. – Новгород суть государева вотчина с дединых времен.

– То прях старая, – нетерпеливо прервал его Дмитрий. – Сказывай, зачем звал?

– Экой ты торопыжный, – огорченно покачал головой Захарьин. – А ведь у меня для тебя, боярин Дмитрий, хорошие вести.

Выдержав многозначительную паузу, наместник извлек из ларца пергаментный свиток с вислой печатью. Приосанясь, торжественно объявил:

– Иоанн, Божию милостью великий государь Володимерский, Московский, Новгородский, Псковский, Тверской, Вятский и иных, жалует тебя, Дмитрий Исаков, сын Борецкий, чином боярина Московского!

Чего угодно ожидал Дмитрий, но только не этого. Первая мысль была: подкупают! В открытую! «Не взять? Отказаться?» – лихорадочно соображал он. Нельзя, кровная обида!

С поклоном принял грамоту.

– А еще жалует тебя государь шубой со своего плеча, – медоточиво пропел наместник, извлекая из сундука лисью шубу. – Что, не ждал такого подарка? – закрякал утиным смехом Захарьин. И тут же посерьезнел: – Вот что я тебе скажу, Дмитрий Исакич. Государь наш – муж великого разума! И дела у него великие. Он державу строит! Вот вы, новгородцы, токмо про торговлишку думаете, свою корысть взыскуете, а наш с тобой государь за всю землю Русскую радеет. В единство ее приводит, в один кулак собирает.

– Погоди, не перечь! – Наместник жестом остановил пытавшегося возразить Дмитрия. – Еще на словах велел тебе сказать великий государь. Ждет он тебя на Москве. Там ныне большие дела затеваются. Собирает вокруг себя Иван Васильевич на смену старым боярам таких молодцов, как ты. Хочешь – послом поедешь в европы, хочешь – воеводой пойдешь с войском, хочешь – тут оставайся, после меня наместником станешь.

И тут же, не давая опомниться, добавил:

– И еще скажу. Что князя себе из Киева зовете, это ладно, пес с вами. Михайло Олелькович и впрямь нашей веры и к нашему государю душой прилежен. Но ежели вы с королем Казимиром снюхаетесь, пощады никому не будет! И ты первый ответишь, потому как ты теперь есть московский боярин и слуга государев! А государь наш за верную службу жалует, а за измену наказует. И еще помни: у нас везде глаза и уши. Про тебя мне тоже все ведомо. Как думаешь, сильно обрадуется тестюшка твой боярин Короб, когда прознает, что его разлюбезный зятек тайно на мадьярке подженился?

От этих слов Дмитрия кинуло в жар. Откуда прознал?!

Увидев вспыхнувшие тревогой глаза Борецкого, наместник успокоил:

– Ладно, не бойсь! Мы много знаем, да мало болтаем.

– А насчет матери твоей я вот что скажу, – продолжал наместник. – Оно, конечно, нет родней дружка, чем родная матушка. И Марфа – женщина умная, спору нет, да только все одно баба. А баба да бес – один у них вес. Пора тебе, посадник, своим умом жить, а не прятаться за материн подол.

Твердея лицом, Дмитрий поднялся. В эту минуту он мечтал только об одном. Ахнуть бы по этой масляной роже заученным бойцовским ударом, чтоб жмякнулся об стену да больше не поднялся.

Молча поклонился и пошел к выходу.

– Шубку-то, шубку забыл, – ележно хихикнул Захарьин.

У коновязи сучал Прокша:

– Что стряслось, хозяин, на тебе лица нет!

– Это тебе подарок от московского князя, – буркнул Дмитрий, бросив слуге шубу и садясь в седло.

– Простовата шубейка, – ухмыльнулся Прокша. – Видать, скупенек московский государь. Назад ехали шагом. В голове Дмитрия тяжелыми жерновами ворочались думы.

– Вот ты скажи мне, Прокша. Бывает так, чтобы самый родной тебе человек был не прав, а враг твой заклятый прав?

– Загадками говоришь, хозяин, – почесал пеньковый затылок слуга. – А только я так думаю% раз человек тебе родной, значит, прав он либо нет, а все одно надо за него стоять до последнего. Ты вот, не в обиду будь сказано, всегда ли прав? А я за тебя и смерть приму, коли придется.

Дмитрий хлестнул коня плетью, взлетел на круто вздымавшийся берег Волхова и натянул поводья, жадно хватая ноздрями влажный воздух. Пахло озером, гниющими водорослями, болотной тиной, дурнопьяном луговых трав, смолой рыбацких лодок, вяленой рыбой.

Стояли последние дни бабьего лета. Обычно мутный Волхов светился яркой синевой. Сзади нависала громада Ильменя. В голубом мареве сливались вода и небо, серебром взблескивали чайки, недвижно зависли кипенные облака. На другом берегу реки старые ветлы роняли в воду узкие желтые листья. На месте старого языческого капища торчала сквозь сосны маковка церкви Рождества Богородицы. Дальше начинались владения Юрьева монастыря. Неспешно вращали крыльями мельницы, курились дымы над селом Витославицы. А окрест, насколько хватало глаз, простиралась луговая равнина, по которой кто-то щедрой рукой разбросал статуэтки храмов и пригородных монастырей.

Защемило в груди от дивной красы.

– Вот она – родина! – сказал себе Дмитрий. – И никакой Москве я ее не отдам! Голову сложу, а не отдам!

Глава 2. Посольство

1

От Новгорода до Киева путь неближний. Мерно скрипели весла гребцов, убаюкивающе плюкала вода за кормой. Кирилл Макарьев лежал на носу лодьи, наблюдая за аистом, плывущим в осеннем небе. Панфил Селифантов кряхтел и тужился, свесив с борта обширное гузно. Он уже третий день страдал животом.

Сзади у аиста вдруг вырвалось и растаяло белесое облачко.

– Слышь, Панфил, аист-то навроде тебя – тоже на ходу гадит, – лениво отметил Макарьев.

За рекой Тверцой большая часть торговых караванов свернула на Волгу, чтобы дальше идти на Каспий. Торговля с Византией давно захирела, а вместе с ней опустел и древний путь «из варяг в греки». Да и Киев – мать городов русских – нынче уже не Русь, а Литва.

Перед отъездом послы получили от совета господ пергаментный свиток с текстом «ряда» между Великим Новгородом и Михайлой Олельковичем. Как повелось еще с древних времен, «ряд» был вельми утеснительным для наемного князя. Ему запрещалось судить новгородцев своим судом без посадника, иметь владения на Новгородской земле, ходить в походы без соизволения веча. Со скаредной дотошностью перечислялось, сколько и какого корму новгородцы должны поставить князю и его дружине, в каких местах он может охотиться, а где нет, и прочая и прочая.

На словах послам было сказано, мол, ежели князь Михайло по каким-то статьям сильно упрется, обещать рассмотреть возражения после приезда. А чтобы он стал сговорчивее, послам были выданы богатые дары для самого князя Михайлы и его старшего брата, киевского наместника Семена Олельковича. Уповали на то, что люди в Киеве завсегда были алчные – как увидят меха и серебро, отца-мать забудут.

Дал свои наставления и владыка Иона, строго-настрога запретив послам встречаться с Киевским митрополитом, а буде позовет, уклониться под любым предлогом. Объяснил, что митрополит Григорий есть униат, папешник, отступник веры православной, выкормыш злополучного Исидора, который подписал Флорентийскую унию, подчинявшую православную церковь папе римскому, но был свергнут с митрополичьей кафедры повелением великого князя московского и бежал за границу. Если на Москве прознают, что новгородские послы вели переговоры с униатами (а что прознают – это уж будьте благонадежны, московских доброхотов в Киеве хоть пруд пруди), поднимется шум великий, мол, снюхались новгородцы с папешниками, а значит, и сами еретицы суть.

2

Киев встретил послов торжественным перезвоном колоколов, да только не в их честь. Православный мир отмечал двенадцатый праздник Рождества Богородицы. Известив власти о своем прибытии, послы направились в Киево-Печерскую лавру. Игумен монастыря встретил новгородцев настороженно, но, прочитав письмо от владыки Ионы, смягчился, а после обильной праздничной трапезы и вовсе разоткровенничался.

Тяжко стало жить православным в Литовском государстве. Король Казимир раньше русских не давал в обиду, но теперь во всем слушается папских нунциев. Как из худого мешка посыпались отовсюду ксендзы и иезуиты. Мы для них схизматики, и вера наша холопская. Русских епископов к государственным делам близко не допускают, зато латинские сидят в Раде и считаются советниками короны. На должности принимают только католиков или униатов.

Знать русская всколебалась, многие готовы отказаться от отцовской веры ради королевских милостей. Епископов и настоятелей назначают власти, монастыри сдают в аренду ровно поместья. Храмы у православных отбирают, новые строить не дают, старые поновлять запрещают. На нашу обитель сколь раз покушались, да спасибо князю Семену Олельковичу, не дал нас в трату, молимся за него денно и нощно.

Поспросили послы про Киевского митрополита Григория, от которого остерегал их владыка Иона. Оказалось, что еще не знали в Новгороде последних громких новостей. Всенародно отступился Григорий от унии и воротился в православие. Что ж, приходится иной раз и пастырю идти за стадом. Как ни навязывали ксендзы русским людям чужую веру, да так и не смогли навязать. Константинопольский патриарх уже дал Григорию амнистию и объявил митрополитом всея Руси. Да только на Москве его все одно не признают. Там нынче свой митрополит.

– Вот и думайте, господа новгородцы, с кем вам по одной дорожке: с Москвой или с Литвой. Добре думайте! – заключил игумен.

Поселили гостей в покоях братского корпуса, окнами на утопавшие в осеннем золоте днепровские кручи. В сопровождении приставленного к ним иеромонаха послы осмотрели Лавру, поклонились ее святыням, обозрели знаменитые пещеры, где сберегались нетленные мощи святых угодников. Показали им и крохотную пещерку-затвор, в которой много лет назад замуровал себя будущий Новгородский епископ Никита. Да только подвиг сей оказался ему тогда не по силам. Стал Никите являться диавол в виде ангела, уговорил его перестать молиться Иисусу и уклониться в жидовство. И взволновались старцы монастыря, и пришли на помощь заблудшему, и наставили его на правильный путь, с которого он уже не сходил.

Показали новгородцам и жутковатый обряд отчитки. Бесноватая баба издавала пронзительные вопли, рычала по-звериному, изрыгала страшные богохульства, плевалась, бранила непотребными словами монаха-эксзорциста, читавшего над ней молитвы и заклинания. Бесу баба, видать, чем-то особенно приглянулась, и он никак не хотел покидать ее грешную плоть, но и монах не сдавался, и в конце концов его стоическое терпение победило. Баба стала успокаиваться, всхлипывать и, наконец, пала монаху на грудь и разразилась очистительными слезами.

В ожидании княжеского приема новгородцы целыми днями бродили по Киеву. Некогда великий град сильно упал после перенесенных нашествий. Кто только его не грабил: половцы, татары, крымчаки, владимирские князья, теперь вот Литва с Польшей обдирают как липку. И прежней торговли уже нет, новгородский Торг куда как богаче будет. Разве только величественный Софийский собор напоминал о славных временах князя Ярослава. Ревниво сравнивали киевскую Софию с новгородской. Слов нет, блещет киевлянка яркой южной красотой, и все же истинный знаток по достоинству оценит негромкое очарование и соразмерность ее новгородской сестры.

По пыльным кривым улочкам спускались на Подол. Беленые хаты утопали в вишневых садах. Ленивым спокойствием веяло от чумацких обозов, медленно вползавших в город. В зазывно распахнутых воротах корчмы стояла разбитная корчмарка. Ее круглые щеки горели огненным румянцем, и таким же огненным был борщ с чесночными пампушками, а горилка с перцем зажигала пожар в груди. Охочий до баб Кирилл Макарьев вскоре куда-то исчез вместе с корчмаркой, а когда вернулся, сладко жмурился, как сытый кот.

3

Только на пятый день новгородцев уведомили, что князья Олельковичи ждут их назавтра в своем дворце. Ввиду незначности послов прием получился без особых церемоний. Братья сидели на возвышении, обтянутом красным сукном. Семен Олелькович держал в руках булаву

как символ своего наместничества. Был он уже немолод, на бледном лице застыла болезненная гримаса. Зато дородный Михайло цвел здоровьем, являя истинно княжескую осанку.

Приняв посольские грамоты и дары, Семен Олелькович извинился за вынужденное ожидание, сославшись на то, что дожидался брата, который княжит в Слуцке и только вчера приехал в Киев ради этой встречи. В ответ послы торжественно объявили, что Господин Государь Великий Новгород бьет челом князю Михайлу Олельковичу и готов с ним заключить «ряд» по старине. Михайло уже собирался что-то сказать в ответ, но под остерегающим взглядом старшего брата промолчал. Выдержав долгую паузу, Семен поблагодарил послов за высокую честь и обещал дать ответ через несколько дней. На этом прием закончился и озадаченные его краткостью послы удалились.

Братья остались вдвоем.

– Нам этих новгородцев Бог послал! – воскликнул Михаил. – Поляки давно на Киев зарятся, короля на нас науськивают. А с Новгородом мы – сила!

– Не спеши, коза, все волки твои будут, – охолонул брата Семен. – Ты не забывай про московского государя. Муж он настырный и загребуший, не успокоится, пока Новгород не приберет к рукам. Войско у него отменное, воеводы самолучшие. Или ты хочешь за Новгород костями лечь? То-то!

– Выходит, будем отказываться? – разочарованно спросил Михаил.

– А ты не суйся, пятница, впереди четверга, – снова осадил брата Семен. – Я вот что думаю, Миша. Знаешь ведь: жить мне осталось недолго. Есть слух, что после моей смерти хочет король посадить наместником в Киеве своего присного Мартина Гаштольда.

– А меня, значит, побоку? – зло уточнил Михайло. – Ну это мы еще поглядим! У короля тоже не две головы, а одну и срубить можно.

– И думать не смей! – прикрикнул Семен. – Сам сгинешь и весь наш род за собой потянешь. Ты лучше раскинь умом. Новгород-то побогаче Киева будет. Хватит тебе в бедных родственниках ходить. А с Иваном Московским можно мирно договориться, небось ему война тоже ни к чему. Поэтому будем соглашаться, – заключил князь Семен, похлопав по плечу повеселевшего брата. – Только сначала съездим к королю в Вильну, испросим для тебя дозволения. Как-никак, а ты его двоюродный племянник и пока еще верный вассал.

4

Жало смерти князь Семен Олелькович почувал в себе еще прошлой зимой. Вдруг сильно заболело в левом боку. Думал – старая рана, поболит и успокоится. Ан нет, день ото дня боли усиливались, князь стал худеть и сохнуть. Местные лекари лечили его травами и припарками, от которых больному делалось только хуже. Тогда-то и появился в Киеве врач-иудей по имени Захария Скара, или попросту Схария. Прислал его давний знакомец князя Семена, купец из города Кафы Хозя Кокос.

Непрост оказался новый лекарь! Слухи о нем бродили разные. Родом будто бы из богатой семьи евреев-караимов, но рано оставил родительский дом и ушел странствовать в поисках ученой премудрости. Вроде бы учился в Польше у знаменитого раввина Куматяно. Не деньги считал – звезды, горбился над книгами, дышал ядовитыми парами в лабораториях алхимиков, резал трупы в университетских прозекторских.

Возраст Захарии не поддавался определению. Высокий лоб посечен морщинами, борода уже посолена сединой, в пещерах надбровных дуг прячутся пронзительные глаза. Когда Захария думал о чем-то своем, они словно дремали, обратившись зрачками внутрь, но стоило ему вернуться в действительность – и эти глаза словно выпрыгивали из засады, ломая встречный взгляд. Они раздражали, притягивали, тревожили, и все, кто ощущал их на своем лице, испытывали беспокойство, как при встрече с таинственным и опасным существом. Зная за собой

это свойство, Захария только на короткое мгновение включал и тут же гасил свой пронзительный взор, успев за короткий миг во всех подробностях запечатлеть в своей бездонной памяти нового человека.

Осмотрев князя, Захария объявил страшный диагноз: карцинома – злокачественная опухоль. Без уверток сообщил, что вылечить сию болезнь нельзя, но можно облегчить страдания с помощью особого снадобья, изготовленного из млечного сока недозрелого мака. Рецепт сего снадобья знали еще древние греки. При наказании «кубком смерти» его добавляли к цикуте, чтобы избавить приговоренного от мук. К месту прочел стих из гомеровской «Одиссеи»:

Снадобье бросила быстро в вино им, которое пили,
Тонут в нем горе и гнев, и приходит забвение бедствий.
Если бы кто его выпил, с вином намешавши в кратире,
Целый день напролет со щеки не сронил бы слезинки,
Если бы даже с отцом или с матерью
Смерть приключилась,
Если бы прямо пред ним или брата, иль милого сына
Острою медью убили и он бы все видел глазами.

Получив согласие князя, лекарь извлек из походной аптечки скляницу с желто-коричневым порошком, высыпал небольшую щепотку в кубок с вином и, тщательно размешав, дал выпить больному.

Боль ушла почти сразу. А потом князя Семена охватило блаженное чувство полного покоя. Зрение и слух притупились, ход мыслей стал медленным, память словно застыла. Он вдруг почувствовал себя помолодевшим и впервые за последние месяцы захотел женщину.

С того дня Захария стал ежедневно появляться во дворце, и вскоре князь Семен уже не мог обходиться без чудодейственного лекарства. Он хотел бы принимать его чаще, но лекарь объяснил, что чрезмерное употребление опасно и может привести к остановке сердца.

Они подолгу беседовали, и князь Семен не уставал поражаться уму и образованности лекаря. Тот свободно владел несколькими языками, и казалось, что в мире нет вещей, о которых он не имел представления. Он оказался еще и астрологом, умеющим предсказывать будущее по звездам. Сообразуясь с расположением звезд и поведением планет, Захария стал давать князю Семену разнообразные советы, которые были мудры и полезны, а гороскопы удивительным образом сбывались. Столь же свободно ориентировался астролог и на политическом небосводе, являя поразительное знание европейских конъюнктур. И в скором времени наместник проникся к своему еврею полным доверием. К тому же ему льстило, что у него, как у настоящего европейского правителя, появился личный астролог.

Вот и теперь, отправляясь в Вильну на встречу с королем Казимиром, князь Семен взял с собой чудо-лекаря.

5

Король польский и великий князь литовский Казимир IV Ягеллончик был правителем сразу трех народов: поляков, литовцев и русских. Увы, эти народы плохо уживались друг с другом. Поляки презирали литовцев и русских, те платили им искренней ненавистью. Постоянной головной болью короля Казимира были гонимая польская шляхта и литовские магнаты, готовые разодрать на части с таким трудом сшитую Речь Посполитую.

Чтобы править такой страной, требовались недюжинный ум и редкая изворотливость. Многолетний опыт научил короля Казимира искусству тактики, суть которой заключалась в

том, чтобы сталкивать лбами своих противников, создавая временные союзы и по возможности оставаясь над схваткой.

Все больше беспокоила его Москва. Русский улус Золотой Орды каким-то непонятным образом вдруг превратился в сильное и агрессивное государство. Московский князь Иван Васильевич задался целью объединить под своей властью все Русские земли и без лишнего шума прибирал к рукам одно княжество за другим. Теперь на очереди Великий Новгород. Поглотив громадную купеческую республику, Московия вырастет вдвое, а ее границы вплотную приблизятся к Речи Посполитой. А там настанет черед смоленских, полоцких и других бывших русских, а ныне литовских земель, некогда принадлежавших павшей под ударами Орды Киевской Руси. Этого допустить было никак нельзя. У короля были свои виды на Новгород. Он мечтал о великой державе, в которую кроме Польши и Литвы войдут Чехия и Венгрия, а также новгородские и псковские земли.

Но втягиваться сейчас в открытую войну с Москвой из-за Новгорода было бы крайне нежелательно. В Европе затевалась сложная интрига. Обострилась ситуация вокруг чешского престола, на который претендовал венгерский король Матиас Хуньяди. Не меньшее беспокойство доставлял воинственный молдавский господарь Стефан III. На юге поднимал зеленое знамя ислама Османский султанат. Его вассал – крымский хан Девлет-Гирей – опустошал пограничные земли Речи Посполитой и уже угрожал Киеву. Каждая из этих угроз требовала контрмер.

Да и ситуация в самом Новгороде выглядела весьма смутно. Новгородцы всегда были себе на уме. А что, если они захотят столкнуть короля с Москвой, а сами отсилятся за стенами или, как обычно, попробуют откупиться?

Известие о том, что Великий Новгород зовет в князя Михаила Олельковича, стало для короля Казимира полной неожиданностью. И теперь ему предстояло решать: отпускать своего вассала или нет. Братья Олельковичи давно внушали королю серьезные подозрения. Шпионы не раз доносили, что они вынашивают планы отделения Литовского княжества от Польского королевства. А ну как Михаил изменит королю и перейдет на сторону москвитя?

Своими сомнениями король привычно поделился со своим личным врачом и астрологом Петром Гашовцем. По обыкновению, астролог сначала пустился в туманные рассуждения. Огромность неба непостижима для глаз, но она не отстоит далеко от человеческого разума. Все смертное пользуется небесными законами. Земные дела управляются звездами. Но звезды не вынуждают людей к тем или иным поступкам, а только открывают перед ними тот или иной путь. Поэтому люди могут отвести возникающие перед ними угрозы своим разумом и волей.

Терпеливо внимая всей этой премудрости, король ждал, когда астролог спустится с горных высот на грешную землю. В конце концов Гашовец объявил, что отпустить князя Михайлу в Новгород все же стоит, ибо это укрепит тамошних сторонников короля. Но поскольку князь Михаил действительно не вполне надежен, следует послать с ним верного человека, который будет информировать короля обо всем происходящем. Такой человек имеется. Его зовут Захария Скара.

Астролог сообщил также, что составленный им гороскоп на князя Семена Олельковича оказался для того крайне неблагоприятным. Из соляра следует, что сигнификатор Юпитер находится в доме судьбы, а сигнификатор Сатурн переместился в дом болезней. Это означает, что жить князю Семену осталось не более трех месяцев. Зная о планах короля превратить Киевское княжество в одно из своих воеводств, астролог предположил, что будет гораздо лучше, если Михаил Олелькович, претендующий на место своего брата, в это время будет находиться далеко от Киева.

На следующий день король принял братьев Олельковичей в своей резиденции в Верхнем замке, охраняемом наемниками-караимами, известными своей доблестью и верностью сюзерену. Выслушав братьев, король милостиво разрешил князю Михайлу принять приглаше-

ние новгородцев. Но вслед за этим Казимир раздраженно заговорил о том, что некоторые его русские вассалы, похоже, заболели московской болезнью. Соблазнившись посулами великого князя Ивана, норвят отъехать на Москву. Так пусть знают: изменники ответят головой! И не только они сами, но и весь их род. И чтобы все стало окончательно ясно, король повелел князю Михаилу на время его отсутствия перевезти свою супругу княгиню Анну и сына Семена в Вильну, где им будет оказан надлежащий прием. На этом аудиенция закончилась.

Недвусмысленные намеки короля не на шутку встревожили князя Семена Олельковича. А что, если Михаил и впрямь переметнется на сторону Москвы? Коли такое случится – всем Олельковичам не сносить головы. Король измены не прощает. Своими опасениями князь Семен поделился со своим лекарем Захарией. После недолгого раздумья тот предложил послать вместе с князем Михаилом преданного человека, который будет сообщать в Киев обо всем, что происходит в Новгороде, и пришлет срочное сообщение, когда события примут нежелательный оборот. «Если господин прикажет, – с поклоном добавил Захария, – то в качестве такого информанта могу поехать я. Обставим это как торговую миссию, тем более что купцы-караимы давно хотели бы наладить торговлю с Новгородом».

Семену Олельковичу очень не хотелось расставаться со своим лекарем и советчиком, но, сообразив все обстоятельства, он вынужден был согласиться. Печально, конечно, что еврею он доверяет больше, чем родному брату, но от Михаила можно ожидать чего угодно, а расхлебывать кашу придется всем Олельковичам. Договорились, что на время отсутствия лекаря врачевать князя и готовить волшебное снадобье будет его помощник по имени Мойша Скаравей.

...Князь Семен не подозревал, что в то самое время, когда в парадном зале Верхнего замка король Казимир давал братьям аудиенцию, королевский врач и астролог Петр Гашовец имел беседу с Захарией Скарой. Прежде чем приступить к беседе, оба звездочета обменялись таинственными жестами и произнесли несколько загадочных слов по-латыни. Встреча длилась около часа, после чего собеседники расстались, вновь обменявшись таинственными знаками.

6

Весть о том, что Захария Скара отправляется вместе с князем Михаилом Олельковичем в Великий Новгород, произвела большое волнение в еврейской общине города Киева. На самом деле еврейских общин в городе было две – раввинистская и караимская. Слабо искушенные в иудейской вере киевляне называли раввинистов «евреи с пейсами», а караимов – «евреи без пейсов». Однако между общинами существовали и гораздо более глубокие различия. Раввинисты жили по правилам Талмуда, то есть закона устного, караимы Талмуд не признавали, доверяя исключительно Торе – закону писаному.

Хотя Захария Скара принадлежал к караимской общине, раввинисты посчитали нужным вступить с ним в переговоры. После продолжительного обсуждения совет общины поручил эту важную миссию ученому раввину Моше бен Якову, по прозвищу Моше Изгнанник.

...Караимское подворье находилось в Верхнем городе, недалеко от Жидовских ворот. За невысокой глинобитной стеной царил хлопотливая жизнь. Одни караимы таскали тюки с товарами, другие поили лошадей и верблюдов, третьи о чем-то спорили на своем гортанном языке. В глубине подворья виднелась караимская синагога-кенасса, расположенная алтарем на юг. В северной части кенассы виднелся зарешеченный балкон с отдельным входом для женщин, к храму примыкал дворик с виноградной беседкой.

Привратник в восточной одежде с кривой саблей на боку проводил гостя к жилищу Захарии Скары. В комнате лекаря царил полумрак. На полках вдоль одной стены тесно стояли книги – пузатые, в кожаных переплетах, явно дорогие. Вдоль другой стены – колбы, реторты, анатомические препараты, медицинские инструменты и астрономическая труба. Сам хозяин

сидел за столом, перед ним лежали раскрытая Тора и узкие листы бумаги, заполненные загадочной цифирью.

Увидев гостя, Захария вежливо предложил ему сесть. Молодой расторопный помощник соорудил скромную трапезу: вино, козий сыр и баллы-бадэм – караимские пирожки с миндалем и медом.

Пригубив вина, Моше бен Яков начал издали:

– Весьма наслышан о вас, ребе Захария. Вы много путешествовали, много повидали. Говорят, вы наизусть помните Тору, а небесные пути знаете лучше, чем свои карманы. И я хочу спросить вас, такого умного человека: почему наши общины враждуют? Да, между нами есть различия. Вы нарушаете заповедь, изображая на пасхальных лепешках солнце, луну и звезды. Ваш Иом-Киппур не совпадает с нашим. Вы празднуете Песах и Суккри лишь семь дней и не соблюдаете пост Эсфири. У вас свои синагоги, свой язык, своя одежда. Мы бедны, а вы богаты. У нас мелочные лавки и шинки, у вас большие капиталы и торговые обороты. Мы не любим войну, вы служите наемниками у королей. И все же я вас спрашиваю: разве это главное? Разве мы все не евреи? Разве мы с вами не верим в Единого Бога и не почитаем Тору?

– Давайте говорить начистоту, ребе, – с усмешкой отвечал Захария. – Меня не обманут ваш кроткий вид и ваш печальный взор. Вы называете нас еретиками и проклинаете в своих синагогах. Вы опутали евреев нелепыми запретами, которые сами придумали для того, чтобы повелевать. Вы – как узкое платье, которое сшито на всех по одной мерке. А мы превыше всего ценим личную свободу, и нам не нужны посредники для того, чтобы обращаться к Богу. У нас свой закон, и он зовется севел-ха-иеруша, то есть бремя наследия. Наш учитель Анан Бен Давид говорил: «Тщательно ищите в Торе и не опирайтесь на мое мнение». Да, караимы – храбрые воины, иначе нас давно уже не было бы на свете. Да, мы ведем большую торговлю, но мы не спаиваем народ в шинках и не даем деньги в рост под безбожные проценты.

– Каждый добывает свой хлеб как умеет, – возразил раввин. – Но я пришел к вам не для того, чтобы препираться. Караимы и раббаниты спорят уже пятьсот лет и никогда друг друга не переспорят.

– Что же привело вас ко мне, ребе?

– Совет общины встревожен тем, что у вас бывает много гоев...

– Что ж тут удивительного? – пожал плечами Захария. – Я врач, и это мои пациенты.

– Дослушайте меня! Мы живем в Киеве уже триста лет и научились ладить с русскими. Они не трогают нашу веру, мы оставляем им их заблуждения. И вот появляетесь вы и начинаете смущать гоев своими проповедями, отвращаете от их веры, высмеиваете их догматы. Зачем вы пытаетесь обратить христиан в иудаизм? Нам не нужны новообращенные прозелиты, от которых одно беспокойство, как от чесотки. Пусть они верят в Христа и Непорочную Деву, пусть молятся своим раскрашенным доскам. А мы должны сохранять чистоту крови. Только еврей по крови может быть истинным иудеем.

– Но гиюр³ существовал еще во времена пророков! И ваш Талмуд разрешает принять иудаизм тем, кто признает все 613 заповедей Торы. А для караимов это вопрос выживания. Нас в мире осталось мало, у нас строгие брачные правила, запрещающие даже далекое родство жениха и невесты. Поэтому нам нужны прозелиты, нужна свежая кровь. Мы хотим вырваться из еврейского загона!

Спокойствие и выдержка начали изменять бен Якову. Огромным усилием он заставил себя сдержаться:

– Я взываю к вашему разуму и к вашему сердцу, ребе Захария. вспомните, в какое жестокое время мы живем! Во многих странах приняты законы, под страхом смерти запрещающие обращение христиан в нашу веру. В Испании и Португалии свирепствует инквизиция. В Гер-

³ Гиюр – обращение нееврея в иудаизм, а также связанный с этим обряд (прим. автора).

мании с евреев берут скотскую пошлину, ибо не считают нас людьми. В Польше и Литве евреев пока не трогают. Но король Казимир уже немолод, его сыновей окружают ксендзы и иезуиты, которые мечтают о том, чтобы изгнать нас. И мы не должны давать им ни малейшего повода. В противном случае это плохо кончится и для вашей, и для нашей общин. Для гоев мы все евреи. Вспомните, когда крестоносцы захватили Иерусалим, они перебили всех евреев, не разбирая караимов и раввинистов. И это может повториться снова!

Захария молчал, и бен Яков продолжал с еще большим жаром:

– Мы знаем, что вы едете в Новгород. В этом богатом городе нет свирепой инквизиции, нет ксендзов и иезуитов, ненавидящих нас. И когда начнется новый исход евреев, многие могли бы найти здесь прибежище. Вы можете открыть этот путь для тысяч наших единоверцев, но вы можете и закрыть его, поссорив нас с Русской церковью!

– Уж не путаете ли вы меня с Мешиахом, ребе? – усмехнулся Захария. – Ведь я всего лишь маленький человек.

– Но иногда маленький камушек может вызвать лавину, – ответил раввин.

Захария надолго задумался, а когда заговорил, голос его был тверд, а взгляд суров:

– Мир меняется! Разве вы не видите, ребе, как меняется мир? Вспомните о том, что мы – богоизбранный народ и должны нести людям свет истины. Нас мало, мы рассеяны, мы живем среди иноверцев. Так пусть нас будет больше. Зачем отталкивать тех, кто поверит в Единого Бога? Не всех, но самых сильных, самых умных. Сначала они будут пришельцами врат, а самых лучших мы объявим пришельцами правды, сынами завета.

– Вы не слышите меня или не хотите слышать, – скорбно произнес раввин.

– А что хотите услышать вы?

– Обещайте, что не будете обращать русских гоев в нашу веру!

– Я слишком уважаю вас, ребе, чтобы лукавить. И я вам ничего не обещаю.

– Это ваше последнее слово?

Вместо ответа Захария наклонил голову.

Бен Яков встал, пылая гневом. У дверей обернулся:

– Люди запомнят вас, Захария Скара! Но это будет плохая память!

Проводив раввина, Захария позвал к себе своего помощника Моисея Хануша:

– Отправляйся в Крым, в город Кафу. Найдешь там купца Хозю Кокоса. Передашь ему мое письмо. Пусть готовит караван в Новгород. Мы начинаем большую торговлю.

Глава 3. Слепой жребий

1

8 ноября 1470 года Великий Новгород встречал нового служилого князя Михаила Олельковича. Торжественность встречи была омрачена общей печалью. Три дня назад тихо скончался архиепископ Иона, и теперь весь город горевал об утрате. Не стало мудрого и всеми почитаемого владыки. Рухнул хрупкий мост между двумя враждующими партиями, московской и литовской, поделившими Великий Новгород пополам подобно мутному Волхову. И теперь судьба республики впрямую зависела от того, чей ставленник наденет белый клобук усопшего.

Встречавший киевлян посадник Дмитрий Борецкий едва скрыл разочарование. Княжеская дружина, на которую он так рассчитывал, являла собою всего четыре сотни воинов, за ними следовали прислуга, повара, бандуристы и прочий пустой народ.

Разместили киевлян на Городище, выдворив оттуда великокняжеского наместника и его челядь, чем пополнили счет московских обид. Яков Захарьин прислал Борецкому хулительное письмо, пообещав сообщить великому князю о нанесенном ему несмываемом оскорблении. Прочитав письмо, Дмитрий понял: будет мстить! Чтобы не доводить дело до полного разрыва, совет господ разрешил наместнику переселиться на старый Ярославов двор, и это решение сыграло на руку Москве. Теперь в самом сердце республики обосновались ее противники.

Выдержав после похорон владыки приличествующую паузу, город дал пир в честь нового князя. Во главе стола, одесную князя, сидел степенный посадник Дмитрий Борецкий, ошуюю – его мать Марфа – крупная пожилая женщина с повелительной осанкой. Киевляне с любопытством косились на знаменитую посадницу. Ай да вдова! Владеет несметными богатствами, за одну нитку жемчуга на ее шее можно хорошее село купить, и, говорят, сама управляется со всем огромным хозяйством.

Гости быстро освоились в родной стихии застолья. Покручивая мокрые от медовухи усы, зычно горланили «Любо!». Пили за славянское братство, за общих предков, за православную веру, поминали великих князей Владимира и Ярослава, бранили Москву, клялись вместе пролить кровь за новгородскую волю.

От имени новгородцев речь держал ключник дома Святой Софии Пимен. К слову вспомнил святого апостола Андрея Первозванного, который тем же путем, что и князь Михаил, пришел из Киева в Новгород. Под общий смех рассказал, как апостол подивился местному обычаю париться в бане. Не забыл помянуть про две Софии, киевскую и новгородскую. Закончил речь Давидовым псалмом:

– Господи! Приклони небеса Твои и сойди, коснись гор, и воздымься; прости с высоты руку Твою, избавь меня и спаси меня от вод многих, от рук сынов иноплеменных, которых уста говорят суетное и которых десница – десница лжи. Боже! Новую песню воспою тебе, на десятиструнной псалтири воспою Тебе, дарующему спасение царям и избавляющему Давида, раба Твоего, от лютого меча. Да будут...

Тут Пимен запнулся, загодя заученный псалом улетучился из его памяти. Воцарилась неловкая пауза. И вдруг неведомый голос пришел на помощь ключнику. Голос шел из самого дальнего угла гридницы. Он был негромкий, чуть гортанный, но легко покрыл шум пира, роняя волшебные слова:

– ...Да будут сыновья наши, как разросшиеся растения в их молодости, дочери наши – как искусно изваянные столпы в чертогах. Да будут житницы наши полны, обильны всяким хлебом, да плодятся овцы наши тысячами и тьмами на пажитях наших, да будут волы наши

тучны; да не будет ни расхищения, ни пропажи, ни воплей на улицах наших. Блажен народ, у которого это есть. Блажен народ, у которого Господь есть Бог!

Когда голос смолк, изумленный Пимен повернулся к князю, вопрошая взглядом.

– Это лекарь мой Захария, – объяснил князь.

– Так ты что же, князь, – оскорбленно вскинулся ключник. – За один стол с нами иудея посадил?

– Он хоть и жид, зато ума палата! – ухмыльнулся князь. – От всех хворей лечит. Да и Библию, не в обиду будь сказано, не хуже иных попов знает.

Посадник Борецкий перехватил возмущенные взгляды игуменов. Даже для привычного к иноземцам новгородского духовенства сидеть на пиру рядом с иудеем было неуместно. В этой заминке Захария незаметно исчез из-за стола, будто растворился.

2

15 ноября должны были состояться выборы нового владыки. В тереме Борецких каждый вечер собирался ближний круг. Судили-рядили, как посадить на владычный престол своего человека Пимена, не доводя дело до жеребьевки. По старинной традиции, если кандидат не вызывал серьезных возражений, архиепископа избирало вече. Если голоса делились, все решал жребий. Сам Пимен вызвался дать денег, чтобы нанять записных крикунов-вечников.

Но и московская партия не дремала. Ее гнездом был подгородный Клопский монастырь в устье речки Веряжки. Таких денег на подкуп избирателей, как у Борецких, партия не имела, посему ставку делали на слухи, которые разносили по городу богомольцы, стекавшиеся в монастырь поклониться мощам святого юродивого Миши Клопского. Новгород всегда был падок на кривотолки, и умело запущенный слухок мигом облетал город, обрастая живописными подробностями. Слухи росли и множились, и те, кто вчера еще от них отмахивался, начинали сначала сомневаться, а потом и верить.

На Торгу, на Великом мосту, на площадях и папертях судачили о том, что Пимен запускал руку в Софийскую казну, а сделавшись владыкой, будет слепо подчиняться Борецким. Не успели горожане переварить эти слухи, как появились новые. Сказывали, будто бы святой юродивый Миша Клопский незадолго до своей кончины прозревал, что приедет в Новгород князь из Литвы, да только то будет не князь, а грязь, и надобно гнать его в шею, а бить челом великому князю московскому.

...В назначенный день, невзирая на мозглоую ноябрьскую погоду, площадь вокруг Софии с раннего утра была забита народом. У бронзовых врат немецкой работы с вечера поставили вечеровой помост. После краткого молебна слово взял Дмитрий Борецкий, предложив избрать владыкой ключника Пимена, упирая на то, что он был правой рукой усопшего Ионы. В поддержку Пимена дружно завопили нанятые вечники и шнырявшие в толпе шильники.

Но по-скорому проголосовать не вышло. На помост взобрался грузный посадник Славенского конца и прокричал протодиакона Вяжищского монастыря Феофила. Следом поднялся посадник Плотницкого конца, предложив духовника покойного владыки Варсонофия. На этом выдвижение закончилось. Все три кандидата поклонились вечеровой толпе и, поблагодарив за честь, стали смиренно выслушивать хвалу и хулу в свой адрес.

Вдоволь накричавшись, вече порешило выбирать владыку жребием.

Под бдительными взорами старых посадников на алтарный престол Софийского собора положили три запечатанных пергаментных свитка с именами кандидатов. По старинному обычаю тянуть жребий доверили слепому нищему старцу, приведенному с паперти. Вытащенный им жребий несли к народу, и протопоп Софийского собора должен был огласить имена двух неудачников. Ибо владыкой становился тот, чей жребий останется последним.

Вся площадь затаила дыхание. Чей жребий вытащит трясущаяся рука слепого? Кому править громадной паствой?

Два имени – Пимена и Варсонофия – трубным гласом возвестил софийский протопоп. На престоле остался жребий Феофила. Ему и быть владыкой Новгородским. Дмитрий Борецкий с трудом сдержал готовое сорваться с губ черное словцо. Воистину судьбу Новгорода решил слепой случай. И тут же подумалось: а, может, судьба?

На этом неприятности не закончились.

3

Вернувшись домой, Дмитрий увидел заплаканное лицо жены. Овдотья молча подала мужу подброшенное ей берестяное письмо, в котором некто неизвестный извещал боярыню Борецкую, что она своему мужу больше не супружница, потому как в Венгрии у него есть настоящая жена по имени Анна Батори, с которой его обвенчал католический священник. Дмитрий сразу понял: наместник выполнил свою угрозу. Попытался было успокоить Овдотью, отнекаться, обратить все в шутку, но не тут-то было. Вытерев слезы, жена твердым голосом объявила, что возвращается к отцу. Да, она терпела его бесчисленные измены, о которых знает весь Новгород, но, обвенчавшись с другой женщиной, он нарушил клятву, данную Господу, а жить в грехе она не хочет. Зная характер жены, Дмитрий понял: уговаривать бесполезно.

Потом состоялось тяжелое объяснение с матерью.

– Блудодей! Кобель бесстыжий! – кричала Марфа.

Было от чего прийти в бешенство. Старший сын, ее гордость и надежда, своим легкомыслием поставил под угрозу не только свое будущее, но будущее всего клана Борецких. Нравы в Новгороде вольные, разводы не редкость, но второй брак при живой жене, да еще совершенный по католическому обряду, – такое не простят никому! Многочисленные недруги Борецких не преминут воспользоваться таким удачным случаем и раздуют скандал до небес. На семейство Борецких ложилось еще одно темное пятно.

Рушился брачный союз между двумя могущественными новгородскими кланами. Марфа сама подбирала невесту сыну, мечтая о том, что он станет наследником необозримых владений Борецких и Коробов. Тогда будущий сват не сразу поддался на ее уговоры. Дочку свою Овдотью боярин Яков Короб любил безмерно и опасался за исход ее брака с молодым Борецким, за которым утвердилась слава женского баловня. Но Овдотья, давно и безоглядно полюбившая Дмитрия, пригрозила утопиться в Волхове, если отец не благословит их брак.

Своей невесткой Марфа была вполне довольна: добра, покладиста, вот только ревнива сверх меры. Но главное: ровно через девять месяцев после нашумевшей на весь Новгород свадьбы подарила ей здоровенького внука, который стал для Марфы главной радостью и успокоением. И вот теперь все катилось в тартарары!

Увы, все опасения Марфы сбылись, и даже с избытком. Могущественный тесть Яков Короб в один день превратился из союзника Борецких в их злейшего врага и даже потребовал вернуть приданое, данное им за дочерью. Все, чего могла добиться Марфа, это оставить себе малолетнего внука.

Скандал в семье Борецких породил в городе новую лавину слухов и сплетен. Что ж это делается, православные? Посадник-то наш втихаря на католичке подженился. Да и сама Марфа туда же: говорят, на старости лет замуж собралась то ли за польского пана, то ли за князя Михаила Олельковича, то ли за самого короля Казимира. Ни стыда ни совести!

Двух недель не прошло, а настроение в городе сильно поменялось. Борецкие, а с ними и вся литовская партия сильно упали в глазах горожан. Подлила масла в огонь история с соловецким игуменом Зосимой, который пришел к Борецкой просить защиты от ее слуг, а она приказала его гнать со двора. Отчасти это было правдой, Марфа не сразу поняла, кто и о чем ее

просит, а когда поняла, что совершила промах, самолично выдала Зосиме охранную грамоту, обласкала и призвала на пир. Но распространители слухов и тут не растерялись, шептались, будто было на пиру старцу видение: глядь-поглядь, а голов-то у Марфиных гостей нету! К чему бы это, а?

Но больше всего для Марфы была утрата прежней сердечной близости с Дмитрием. Дни шли, а былые отношения матери и сына все никак не возвращались. И это мучило их обоих...

4

Тем временем новоизбранный архиепископ Новгородский и Псковский Феофил с трудом привыкал к своему новому положению. Шутка ли, вчерашний чернец в одночасье превратился в первого человека громадной республики. Отныне его словам будут внимать тысячи ушей, за каждым его поступком будут следить тысячи глаз.

Феофил не отличался сильным характером, да и большим умом не блистал. Обрушившееся на него тяжкое бремя власти на первых порах повергло его в растерянность. И то сказать: куда ни кинь, всюду клин. Москва грозит войной, паства расколота, псковичи нороят отложиться, владычные слуги косятся как на чужака.

На первом после своего избрания совете господ Феофил объявил, что будет во всем следовать заветам своего предшественника, новопреставленного Ионы. Сказать-то сказал, а только на деле все оказалось совсем непросто. Сразу пришлось делать выбор: куда ехать на поставление? Митрополитов в русских землях было два: Филипп в Москве и Григорий в Киеве и, выбирая одного, Феофил неизбежно навлек на себя немилость другого. Но выбирать пришлось, и, поразмыслив, Феофил объявил, что поедет на поставление только в Москву и никуда более.

В ответ приверженцы Борецких прямо дали понять Феофилу, что покамест он владыка только нареченный, а выборы можно провести и заново. Встрепенулся и приунывший было Пимен. Прилюдно объявил, что готов хоть завтра ехать на поставление в Киев. Распря между вчерашними претендентами на владычный престол закипела с новой силой. Пимен отказался сдать ключи, лишив нового владыку доступа к казне, и поднял на ноги владычных дворян, пугая тем, что новый владыка сменит их на своих милостивцев.

Тогда Феофил решился на крайность, объявив совету господ, что готов сложить с себя сан владыки и вернуться в свой Вяжицкий монастырь. Угроза возымела действие, ибо уход только что избранного владыки был делом неслыханным. После бурных споров совет господ отказался принять отставку Феофила, разрешив ему ехать на поставление в Москву. К великому князю отправили боярина Семена Ларионова с просьбой дать нареченному владыке разрешение на проезд.

Торжествующий Феофил первым делом постарался свести счеты с соперником, обвинив Пимена в казнокрадстве и потребовав открытого расследования. Софийскую казну заново пересчитали и обнаружили крупную недостачу. Это были те самые деньги, которые Пимен отдал на подкуп вечников.

За лихоимство и растрату городской казны в Новгороде издревле не жаловали. В тот же день в покои Пимена ворвалась разъяренная толпа. Ключника избili в кровь, изорвали на нем шелковую рясу, а потом поволокли на вече, награждая по дороге тычками и затрещинами. Вечевая толпа требовала казни, но потом сжалилась и приговорила бывшего ключника к огромному штрафу аж в тысячу серебряных рублей.

Посчитавшись с соперником, владыка Феофил засобирался в Москву, еще не ведая, какой неожиданный оборот примут дальнейшие события.

Глава 4. Искуситель

1

Огромная свита князя Михаила Олельковича не поместилась на тесном пяточке Городища, и большую ее часть пришлось расселить в самом Новгороде. Захария Скара был этому рад, ибо он мог наблюдать город в тесной близости, словно врач – пациента. Правда, пациент оказался не больно-то вежлив. Ватага бездельных отроков на волховском мосту при виде иудея тотчас разразилась криками: «Жид, жид, на веревочке бежит!», а сидевший тут же босой юродивый заголосил пророчески: «Гляньте, православные, черный ворон прилетел, мертвечину чует!» и запустил лекарю в спину еще дымящееся конское яблоко.

Несмотря на такой прием, Великий Новгород с первого взгляда понравился Захарии. Город был разумно спланирован, хорошо содержался и своей чистотой выгодно отличался от Киева или Вильны. Он и впрямь напоминал человеческий организм. Его головой был Детинец, ремесленные слободы были его руками и ногами, Торг – чревом, а легкими – огромное озеро, влажное дыхание которого доносилось с юга.

Город вел деятельный образ жизни, неплохо питался и одевался. Его движения были размашисты и исполнены живости. Эта живость чувствовалась и в том, как люди шли, ехали, торговались, ругались, зубоскалили, топтались на холоде, окликались другу друга, рубили дрова и несли воду. Она чувствовалась в каждом движении, в переменчивых выражениях лиц, в гримасах, блеске глаз. Если человек злился, он кричал, махал руками, лез в драку, если что-то рассказывал, то во весь голос, если смеялся, то во всю глотку. Это были свободные люди, упрямые и настырные, ничего не принимавшие на веру, привыкшие сами решать свои дела.

Не рискуя заходить в христианские храмы, Захария наблюдал, как люди идут на молитву. На одних лицах читалась истовость, на других – привычка. Священники внешне почти не отличаются от мирян, одеты в обычную одежду и только на головах носят большие валяные шляпы, под которыми Захария с удивлением обнаружил выбритые, как у католических монахов, тонзуры, по-местному – гуменцо или поповская плешь.

В декабре прибыли из Крыма Моисей Хануш и Шмойло Скаравей с товарами от Хози Кокоса. Однако наладить дело оказалось непросто. Город был связан договорами с Ганзой, замкнувшей на себя всю европейскую торговлю. Местный рынок тоже был поделен, гильдии местных купцов жестко вытесняли чужаков.

Столь же неутешительно обстояли миссионерские дела Захарии. Чтобы построить в Новгороде караимскую синагогу-кенассу, требовалось разрешение архиепископа. Однако все попытки получить аудиенцию у новоизбранного владыки ни к чему не привели. Такими же безуспешными были попытки Захарии обзавестись полезными знакомствами.

Помог, как водится, случай...

2

Отслужившего вечерню отца Дениса дома ждала расстроенная попадья. Заболела их пятилетняя дочь, на холодном ветру просквозило ушко. К ночи поднялся жар. От острой боли кроха кричала, как подстреленный зайчонок. Беспамятно любивший дочку священник всю ночь носил ее на руках, прижимая к себе пышущее жаром тельце. Домашние средства не помогали, и утром, махнув рукой на церковный сан, священник отнес закутанную в полушубок девочку к знахарке. Старуха пошептала наговоры, сделала примочки, но лучше не стало.

Домой отец Денис возвращался бегом, чтобы еще больше не застудить ребенка. Дочь заходила в таком безутешном плаче, что прохожие сочувственно оглядывались. Не видя белого света, священник внезапно налетел на сутулого темноликого человека в долгополой восточной одежде. Отступив на шаг, незнакомец неожиданно спросил гортанным голосом:

– Чем больна твоя дочь?

Отец Денис хотел отмахнуться и бежать дальше, но наткнувшись на пронизывающий взгляд незнакомца, отчего-то передумал и поведал ему о своей беде.

– Ступай за мной, – повелительно произнес Захария.

В просторной горнице их встретили два молодых иудея. Девочку положили на стол, разматывали платок, сняли повязку. Ловкими пальцами Захария ощупал вздувшееся ушко, что-то приказал помощнику на караимском языке. Появился обитый кожей сундучок с медицинскими инструментами.

– Держи крепко! – приказал священнику Захария. В его руке блеснула игла. Дрожащими руками отец Денис прижал к груди голову дочки. Точным движением лекарь проколол барабанную перепонку. Девочка пронзительно закричала. Из уха тонкой струйкой потек гной.

– Все! – сказал Захария.

– Как все? – похолодел священник.

– Возвращайся домой, – усмехнулся лекарь. – Твоя дочь будет здорова.

На следующий день отец Денис снова пришел в дом Захарии. Стесняясь, развернул подарок – кунью шапку. Лекарь примерил шапку, смешно скосив глаза к носу. Пригласил сесть. Помощники принесли вино и сыр.

– Я вижу, ты священник, – улыбнулся Захария. – Скажи: почему христиане считают иудеев своими врагами? У нас один закон, только у евреев он зовется Торой, а у вас – Ветхий Заветом. Хочешь, я почитаю тебе Библию на иврите?

Негромко и певуче зазвучал гортанный голос, и время словно исчезло. Священнику казалось, что он слышит заунывный посвист ветра в пустыне, бубенцы верблюдов, крики погонщиков. Ревели боевые трубы Иисуса Навина, рушились стены, горели храмы, бежали толпы избиваемых, возносили молитвы Иегове седовласые пророки...

...Голос затих, и, стяхнув оцепенение, священник открыл глаза, словно после глубокого сна. Уже наступил вечер, и лицо Захарии было неразличимо в потемках.

Перед тем как уйти, отец Денис обернулся.

– Позволь мне прийти завтра.

– Приходи, – кивнул Захария. – И если у тебя есть друг, которому ты доверяешь, приводи его с собой.

– Как легко вы с ним управились, господин! – восхищенно воскликнул Моисей Хануш, когда за священником закрылась дверь.

Тонкие губы Захарии растянулись в усмешке:

– Мне помогала его дочь.

3

На следующий день отец Денис привел с собой отца Алексея, протопопа с Михайловской улицы. В отличие от лысоватого, невзрачного Дениса протопоп был видным мужчиной с густой гривой вороных кудрей. Войдя в горницу, гость привычно поискал глазами икону.

– Икон здесь нет, – насмешливо промолвил Захария, – ибо вторая заповедь гласит: «Не делай себе кумиров или изображений того, что на небе, на земле или в воде». Ну, сам подумай: можно ли поклоняться раскрашенным доскам?

– Мы поклоняемся не естеству дерева и красок, но светлому образу, на иконе изображенному, – возразил отец Алексей словами Иоанна Дамаскина.

Захария улыбнулся. Он любил достойных противников.

– Что ж, я слышал, что в Новгороде среди священников есть весьма образованные люди. Думаю, ты из их числа. Хочешь посмотреть мои книги?

Он подвел священников к тесно уставленной полке и стал один за другим снимать фолианты. Первая же книга повергла гостей в трепет. Это была «Мудрость Менандра Мудрого» – мечта любого книжника.

Открыв «Менандра» на первой странице, Захария прочел: «Человеку сушу человеческая требно есть смыслити. Велико есть богатство человеку ум». Поглаживая тисненные кожаные переплеты, лекарь негромко произнес: – Разные люди видят в этих книгах одни и те же слова, но понимают их всяк по-своему. Одни читают Библию как занимательную историю о патриархах, царях и пророках. Эти люди достойны жалости. Другие мнят себя толкователями священных текстов и учат по ним других, как им жить. Но каждый из них учит тому, что доступно его пониманию и кажется ему важным и правильным. Эти люди подобны пастуху, который ведет стадо, сам не зная куда. И есть избранные, которым доступно сокровенное знание Торы. Ибо в Торе есть все, но, чтобы постичь ее тайный смысл, нужна целая жизнь.

...С этого дня Алексей и Денис зачастили в дом Захарии. Вслед за ними потянулись на караимское подворье и другие новгородские грамотники. Народ по преимуществу духовный: софийский священник Гавриил, диаконы Гридя Ключ и Наум, зять Алексея Иван Максимов. Заглянул однажды молодой боярин Григорий Тучин. Шел на «жидовские посиделки» со смешком, но, послушав Захария, призадумался.

Лекарь рассказывал о небесных светилах и о человеческом организме, о свойствах минералов и о древней истории, об удивительных животных и о философском камне. Много говорили о Ветхом Завете. Евангелия Захария почти не касался, до поры щадя чувства священников. Но посеянные им семена сомнения уже проросли в умах попов мучительными вопросами.

– Единосущен ли Бог или же един в трех Лицах? Приходил ли Мессия? Кто есмь Христос?

И вот однажды Захария открыл Библию и стал читать вслух:

– «И бить будет он страну бичом речей своих, и духом уст своих умертвит злодея. И справедливость будет препоясывать чресла его, и честность будет поясом на бедрах его. И волк будет жить рядом с овцой, и леопард рядом с козленком будет лежать, и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и маленький мальчик будет водить их. Не будут делать зла, и не будут губить на всей Моей горе, ибо полна будет земля знанием Бога, как полно море водами. В его дни Иудея будет спасена, и Израиль будет жить в безопасности, и вот имя его, которым его назовут: Бог – справедливость наша».

Лекарь закрыл Библию и, помолчав, спросил:

– А теперь рассудите сами: можно ли такое сказать о сыне плотника из Назарета?

Ответом ему было тягостное молчание.

Тонкий яд иудейской премудрости капля за каплей проникал в бесхитростный разум новгородцев. Рушился привычный и тесный мирок повседневных забот, и теперь они ощущали себя деревенскими детьми, впервые очутившимися в огромном городе. По ночам вперялись бессонно во тьму, растревоженный разум не хотел уснуть, и, даже выходя по нужде на двор, они изумленно застывали при виде распахнутого над землей звездного неба, будто увидев его впервые и уносясь, как в бездну, в непостижимую тайну мироздания. Утром с тяжелыми головами священники шли в свои храмы совершать привычные обряды и требы, но мысли их блуждали далеко. Поселившуюся в их душах сумятицу сугубили смутные предчувствия надвигающейся беды.

4

В тот день протопоп Алексей пришел к лекарю один. Его осунувшееся лицо было бледным. Торжественным голосом священник объявил Учителю, как он теперь называл Захарию, о своем твердом намерении перейти в иудейскую веру. Его жена решила последовать за ним. Если Учитель не возражает, он возьмет себе имя Авраам, а жена пусть зовется Саррой.

– Итак, ты решился на гиюр? – строго спросил Захария. – А ты понимаешь, что это изменит всю твою жизнь? Тебе придется сложить сан, тебя будут преследовать как еретика и отступника! Ты готов к этому?

– Готов! – твердо ответил Алексей.

– В таком случае согласно Завету тебе придется совершить брит-мила, то есть обряд обрезания. Ты согласен?

Лицо священника изобразило мучительное колебание. Потом он молча кивнул.

– Что ж, – деловито произнес Захария. – Не станем медлить. Я буду твоим мохелом⁴, мой помощник возьмет на себя роль сандака. Инструменты у меня под рукой. Раздевайся!

Заливаясь краской, священник снял рясу, задрал холщовую рубашу, обнажив пугливо съезжившийся уд. Захария зажег светильник и стал тщательно мыть руки. Потом в наступившей тишине послышалось звяканье инструментов. Наконец, со скальпелем в руке, лекарь приблизился к священнику. Тот зажмурился.

Но ничего не случилось. Когда Алексей открыл глаза, он увидел улыбающееся лицо Захарии.

– Прости, друг мой, я только проверял тебя, чтобы убедиться в твоей решимости. И ты выдержал испытание! Запомни этот день, можешь считать его днем своего второго рождения, ибо отныне ты встал на путь Истины. Это долгий и тернистый путь, встав на него, мыслящий человек уже не может ничего принимать на веру, он верит лишь в то, что проверил собственным разумом. Знаю, как трудно изменить себя, находясь уже в зрелом возрасте, и потому вдвойне горжусь тобой. И все же давай сохраним твое решение в тайне. Иначе ты станешь изгоем среди бывших единоверцев и не сможешь помочь другим обрести новую веру. Придет время, и ты сможешь открыться. А пока ты должен блюсти свою паству, как добрый пастырь блюдет свое стадо, и ждать...

– Ждать – чего? – тихо спросил Алексей.

– Придет время, и ты узнаешь... – многозначительно ответил Захария. – А пока ступай с миром!

– Этот человек когда-нибудь сможет стать пришельцем правды? – спросил Шмойло Скаравей, когда Алексей ушел.

– Нет, – покачал головой Захария. – Он будет только пришельцем врат. Его разум не вместит тайну каббалы.

⁴ Мохел – лицо, совершающее обрезание, сандак – его помощник (*прим. автора*).

Глава 5. Марфа посадница

1

Детство Марфы Борецкой прошло в ильменском Поозерье, в родовом имении Ракомо. Боярин Лошинский ждал сына, а когда родилась дочь, стал растить из нее наследницу. Брал с собой в дальние поездки, обучал хозяйским расчетам, наставлял держаться своих и не давать спуску чужим.

Не по годам рослая, с выгоревшими на солнце волосами и обветренным лицом, она ничем не походила на знатную боярышню. Вот только глаза цвета ильменской волны выдавали властный норв: то холодные серо-голубые, то фиолетовые с грозowymi просверками, когда гневалась.

Лихо скакала верхом, тянула в облепившей сильное тело мокрой рубахе тяжелый невод, билась с парнями на деревянных мечах. Сверстницам предпочитала мужское общество, рано научилась разбираться в людях, с первого взгляда угадывая сильных и слабых.

Когда заневестилась, отец сосватал ее за боярина Филиппа. Жених ей не нравился, но так было нужно семье, и она покорилась. Дальше было по пословице: взял силком, а стал милком. Родила двух сыновей – Антона и Феликса. Мужа видела редко, он вел крупную торговлю пушнинаой и был постоянно в разъездах, оставляя на хозяйстве Марфу. Поначалу пугалась лавины дел, но скоро вошла во вкус, до тонкостей постигала премудрости новгородского домостроя.

А потом случилась беда, перевернувшая всю жизнь Марфы. С карельского берега пришла черная весть о том, что муж и сыновья утонули в Студеном море. Другая бы слезами выплакала горе, да только не Марфа. Заподозрив неладное, собрала дружину из отчаюг-ушкуйников и отправилась к месту гибели. Учинив допросы с пристрастием, выведала, что накануне гибели у боярина Филиппа случилась бурная ссора с местными охотниками-промысловиками. Ночью убийцы прокрались в зимовище, задушили боярина и сыновей, а потом, заметая следы, положили тела в лодью, изобразив кораблекрушение.

Разъяренной медведицей Марфа кинулась мстить. Виновных искать не стала, просто велела перебить всех местных мужиков. Потом выжгла дотла окрестные деревни Золотицкой волости, не дав жителям даже собрать скарб. Утолив жажду мести, в память о муже и сыновьях отстроила на карельском берегу Николаевский монастырь и подарила ему три села, пожни и рыбные ловы с наказом вечно молиться за души убиенных.

Второго мужа выбирала сама и, по зрелом раздумье, остановилась на вдовом посаднике Неревского конца Исаке Андреевиче Борецком, владетеле огромных вотчин на Двине, Волге и Кокшенге. Но не только богатством будущего супруга прельстилась Марфа. Всем прочим мужским достоинствам она предпочитала ум, а посадник Исак Андреевич слыл в Новгороде великим разумником. Да и мужчина был из себя видный, в свои пятьдесят лет не уступал в силе и крепости молодым.

Первым делом супруги озаботились потомством. От еженощных продолжительных соитий у посадника стало побаливать сердце, зато как по заказу появились на свет трое детей: сыновья Дмитрий и Федор и дочь Ксения. Старые хоромы стали тесноваты, к тому же напоминали боярину умершую жену, и Марфа уговорила мужа строиться заново. Место для новой усадьбы выбрали самолучшее – в Неревском конце, на улице Розваже, упиравшейся в берег Волхова.

Все хлопоты по строительству Марфа взяла на себя. Вместе с греком-архитектором долго колдовала над проектом господского дома. Ее не прельстили ни боярские каменные палаты с плоскими фасадами и бойницами окон, ни громоздкие купеческие хоромы. Выдумывала свое,

чтобы не как у других. Нижний этаж велела класть из ильменского плитняка, верхний – из мореного дуба. Окна вывела двойные, стрельчатые и не слюдяные, а настоящего венецианского стекла, с витражными вставками. Лучшие новгородские резчики украсили затейливым узорочьем карнизы и наличники, опоясали колонны галереи резной плетенкой с изображениями китоврасов, грифонов, единорогов и птицев. На коньках бочковатой крыши поставила медные флюгеры в виде петухов, кораблей и драконов. Даже тын вокруг усадьбы сделала по-своему, вместо привычных заостренных кверху бревен возвела каменную ограду с тяжелыми коваными воротами.

Господский дом получился на загляденье, роскошным без надменности, веселым без легкомыслия. А она тем временем занялась усадьбой. Все старые постройки велела сносить безо всякой жалости. Кузницы, сапожные и скорняжные мастерские вынесла за город, оставив только самые необходимые службы, отстроенные заново. Опоясала двор водоотводными трубами, победив непролазную новгородскую грязь. Внутренние дорожки с умыслом отложила напоследок, дав людям сначала самим протоптать тропинки, а уж потом застав их сосновыми плахами.

Покончив со строительством, занялась внутренним убранством. Половину нижнего этажа господского дома отвела под огромную горницу для пиров, вмещавшую до двухсот гостей. С детства помнила, что в Новгороде на пирах и братчинах не просто едят и пьют, а решают важные дела, завязывают нужные связи. В подарок мужу сделала для него настоящий кабинет с библиотекой и инкрустированным шахматным столиком, благо на склоне лет посадник все больше тянулся к книгам и шахматам. Рядом обустроила свою светелку с выходом на опоясывающую дом крытую галерею. С особым тщанием обставила супружескую спальню с огромной кроватью под балдахином.

Вместо русских печей заказала изразцовые каминные, вместо лавок – стулья немецкой работы, вместо сундуков – шкапы с расписными дверками. На вощенные полы легли не домо-тканые половики, а настоящие хорасанские ковры. Даже нужные места устроила как во владычном дворце – с удобными сиденьями, водосливами и оконцами для проветривания.

Новая усадьба Борецких стала притягивать восхищенные взоры горожан, с чьей-то легкой руки к ней приклеилось прозвище Чудный двор Марфы-посадницы. Сам Исак Андреевич не мешал Марфе обустроиваться, дивуясь ее практичному уму и деловой хватке. Теперь он часто недужил, и она все увереннее брала в свои руки бразды правления громадным хозяйством. Строгостью, а когда и плетью вышколила челядь, скоро сообразившую, что от зоркого взора боярыни ничего не укроется. Но зато ее слуги были всегда сыты, хорошо одеты, а женившись, получали добротные избы и деньги на обзаведение.

Выходя по утрам на галерею своего нового дома, Марфа с наслаждением вдыхала речной воздух, подолгу любовалась видом пробуждающегося Новгорода. Медленно катил свои бурые волны Волхов, уже поднимались над крышами столбы дымов, звонили к заутрене колокола, мычало выгоняемое из хлевов огромное городское стадо, помаленьку оживал Торг. Как же любила она этот город! Это был ее мир, и она была его малой частичкой, но частичкой разумной, деятельной, сумевшей обустроить в нем свой собственный заветный мирок. Теперь у нее было все: семья, дом, сказочное богатство, а дела и заботы приносили больше радости, чем огорчений.

Но отчего-то все чаще подсасывала в груди возле левой ключицы непонятная тревога и нарастало в душе смутное предчувствие надвигающейся беды...

2

Если первый муж учил Марфу хозяйствовать, то второй приохотил ее к политике. За долгие годы посадничества Исак Борецкий досконально изучил явные и тайные пружины вла-

сти. И хоть сказано, что жена, домогающаяся власти, становится тираном своего мужа, старый посадник охотно делился с Марфой всем, что знал и помнил, ибо уверовал, что только она сможет возглавить клан Борецких после его смерти.

Многие годы Исак Андреевич преданно служил республике, его тяжелый бас веско звучал на совете господ. Не в пример чванливым «золотым поясам» старый посадник не пренебрегал городской чернью. Знал, что хотя всем в Новгороде правят сорок боярских семей, но рано или поздно настает момент, когда свое последнее слово скажет простая чадь. А потому надо умерять алчных и по возможности поддерживать слабых.

Главную угрозу для республики Исак Андреевич видел в Москве. От одной мысли о том, что кто-то хочет наложить жадную лапу на новгородские, а значит, и на его владения, в душе посадника поднималась волна ярости. Но он тут же охлаживал себя. Слепая ярость позволительна в молодые лета, муж умудренный обязан зряче смотреть на вещи. А трезвый рассудок отвечал: право на стороне силы! И разве не пользовался этим правом сам Великий Новгород, захватывая новые земли и тесня в глухие чащи местные племена? Силе может противостоять только сила, а если ее нет, значит, надо договариваться, отдавать меньшее, чтобы не потерять все.

В том, что сила на стороне Москвы, Исак Борецкий убедился после злополучной битвы под Руссой, в которой немногочисленное московское войско наголову разгромило кованую новгородскую рать. Это его, Исака Борецкого, республика послала вместе с престарелым владыкой Евфимием вести переговоры с князем Василием Темным, который по-хозяйски расположился в валдайском селе Яжелбицы. Была на то особая причина, о которой знали немногие. За три года до войны с Москвой Исак Борецкий помог Василию Темному избавиться от его заклятого врага князя Дмитрия Шемяки, нашедшего пристанище в Новгороде. Посадник свел подосланного из Москвы дьяка Степана Брадатого с шемякиным поваром, а тот приготовил своему хозяину курицу по особенному рецепту, отведав которую князь с неделю промаялся животом, а потом и вовсе отдал Господу свою мятежную душу. Сделал это Исак Андреевич, радея за республику, на которую Шемяка навлекал войну с Москвой. И все же на душе у него долго было муторно от сознания собственного вероломства.

Зато та давняя услуга помогла посаднику в тяжелых переговорах с великим князем Василием. И хотя полынно-горьким был заключенный в Яжелбицах мир, лишивший республику древних прав и обложивший ее подушной податью, но именно он, Исак Борецкий, уберег от тяжкой московской длани становой хребет Великого Новгорода – его вечевой строй.

Рассказывая об этом Марфе, посадник хотел, чтобы она усвоила: политика бывает жестокой и коварной, а потому волей-неволей приходится нарушать Божьи заповеди. И все же по глазам жены видел, что она не одобряет его поступок и сама не смогла бы предать доверившегося новгородцам Шемяку. С сожалением сознавал: хоть и ума палата, а все одно баба, думает больше сердцем, чем головой, а сердце в государственных делах плохой советчик.

И все же Марфа многому научилась от мужа. На пирах и важных переговорах она всегда сидела с ним рядом, легко вступала в общий разговор, и хотя поначалу ловила недоуменные взоры других бояр, но постепенно посадник приучил к ней своих гостей. Когда оставались вдвоем, терпеливо объяснял, как наклонять дела в свою пользу, как молвить кстати и вовремя смолчать, уступить или явить силу и упорство. И в этих потаенных беседах меж супругами возникала особенная близость, которой они дорожили больше, чем близостью телесной.

3

Но и второй брак Марфы длился недолго. Проснувшись однажды среди ночи, почувствовала на плече уже холодную руку супруга. Господь послал Исаку Борецкому счастливую смерть,

он умер во сне. Предчувствуя кончину, посадник составил подробное завещание, согласно которому единственной наследницей своих вотчин объявлял свою супругу.

Завещание завещанием, но Марфа понимала, что ей придется доказывать свое право встать во главе Борецких. Многочисленные родичи мужа, надеявшиеся на раздел имущества, не скрывали своего разочарования. Сыновья тогда были еще детьми, и она могла рассчитывать только на себя.

На поминках торжественно поклялась, что при ней все останется как при покойном посаднике. Встретилась с родичами мужа, да не со всеми скопом, а с каждым по отдельности. Одних одарила, другим польстила, третьих припугнула. А потом с неженской силой впряглась в тяжкий воз больших и малых дел. Вставала до свету, ложилась затемно, вникала в каждую хозяйственную мелочь. Объехала все ближние и дальние вотчины, поменяла бездельных или проворовавшихся тиунов, наградила верных.

По праздникам устраивала пиры, да какие! Гостей отбирала не столько по богатству, сколько по уму и влиятельности, выделяя нужных и отдавая бесполезных. Каждого гостя сама встречала у ворот, за руку вела в дом. Ее застолья отличались от буйных новгородских братчин, где много говорили и мало слушали. Когда кто-то брал слово, прочие по знаку хозяйки замолкали, внимая говорившему. Потому и пустячных речей стеснялись. И хотя столы ломились от вин и яств, никто не упивался и не объедался до непотребства. Тех же, кто вел себя неподобающе, в другой раз не приглашала, и это было худшим наказанием. Быть званым на пир к Марфе-посаднице становилось почетной привилегией, которой гордились и дорожили не меньше, чем приемом у владыки.

На своих пирах Марфа неожиданно открыла у себя дар красноречия. Пригодились уроки мужа, не раз повторявшего: люди идут за теми, кто говорит им то, что они сами хотят услышать. С детства приученных к публичным речам новгородцев было трудно удивить красноречием, но, когда вставала Марфа, воцарялась полная тишина в предчувствии чего-то значительного. Говорила просто, без витийства, речь лилась легко и свободно, мысли приходили словно сами собой, согретые чувством. Ей нравилось покорять людей словом, в этом было что-то от любовной игры, когда один человек стремится пленить другого, и теперь вся ее женская неврастращенность изливалась в идущих от ума и сердца словах.

Умела Марфа и повеселить своих гостей. После застолья все высыпали на широкий двор. Здесь устраивались медвежьи забавы, играли гусяры, веселые скоморохи потешали гостей лицедейством. На дощатых подмостках появлялся старый купец, жалуясь, что молодая жена отказывает ему в близости, ссылаясь на недуг. Потом появлялись скоморохи, обещавшие вылечить супругу. Они прятали купца в мешок и, принеся его в дом, сообщали жене, что купец умер. Та на радостях устраивала пир, в разгар которого купец вылезал из мешка и «лечил» жену дубиной, а ее «недуг» бежал в окно, оставив второпях одежду и деньги. Такой конец гости, среди которых было немало пожилых мужей, встречали дружным смехом.

Вот так исподволь Марфа стала признанным вождем могущественной боярской партии. И даже то, что она женщина, неожиданно обернулось преимуществом, ей дозволялось то, что не стерпели бы от мужчины. А те, кто не воспринял Марфу всерьез, скоро на себе испытали ее железную хватку. Боярин Василий Своеземцев позарился на пограничные земли Борецких по реке Ваге. Дело дошло до суда. Марфа наняла лучших «докащиков» и «ябетников» и выиграла распрю, а сам Своеземцев в страхе бежал со всем семейством в Заонежье и сидел там тише воды ниже травы. А боярин Милославский после тяжбы с Марфой и вовсе оказался в подземной тюрьме.

Много шума в Новгороде наделал судебный процесс Марфы с другой знатной вдовой – Настасьей Григорьевой. Дело было пустячное, межеевое, однако ни одна из женщин не хотела уступать. В конце концов судья приговорил решить дело «полем», то есть судебным поединком,

полагая, что боярыни, по обыкновению, выставят наемных поединщиков. Но Марфа к общему изумлению, объявила, что будет драться сама, и ее сопернице пришлось принять вызов.

В назначенный день на Духовском поле, где обычно проходили поединки, собралась большая толпа любопытных. Бороться решили без оружия, на поясах. Не успел судья дать знак к началу схватки, как Марфа ловким приемом припечатала дородную боярыню к земле. И тут она снова всех удивила. Помогла подняться сопернице с земли и громко объявила, что отказывается от своего иска в пользу Настасьи. Под одобрительные крики толпы женщины троекратно облобызались и с этого момента стали задушевными подругами.

Изменилась Марфа и внешне. Раздалась в бедрах, высокая грудь, которой она сама выкормила пятерых детей, с годами отяжелела, стремительная походка сменилась величавой поступью. Вот только глаза цвета ильменской волны остались прежними: то холодные серо-голубые, то фиолетовые с грозowymi просверками, когда гневалась.

Короткие досуги посвящала оставшейся после мужа библиотеке. Привечала иностранцев, часто общаясь с ганзейцами, научилась бегло говорить на нижненемецком. О третьем замужестве думать себе запретила, ибо первый брак от Бога, второй от людей, третий от сатаны. Моясь с подругами Настасьей Григорьевой и Евфимией Горошковой в бане, со смехом слушала их беззастенчивые откровения про молодых любовников, но сама никого до себя не допускала. Власть возбуждала ее больше, чем бабьи улады. Да и выросших детей стеснялась.

Увы, детей за делами почти что упустила. С дочерью Ксенией у нее так и не возникло душевной близости, та росла пугливой и замкнутой, чуралась людей, мечтала уйти в монастырь. Младший сын Федор вымахал в сажень ростом, а ума не нашёл, за что и получил обидное уличное прозвище Дурень. Дела семьи считал пустой докукой, зато до страсти любил кулачные бои. На Масленицу, когда на волховском льду сходились стенка на стенку, шел в челе софийской стороны, как косой снося противников пудовыми кулачищами. Этим его доблести и кончались.

И только старший сын стал ее гордостью и надеждой. От матери Дмитрий унаследовал красоту и гордую статью, от отца – ум и рассудительность. Правда, смущало Марфу его женолюбие, бил, как говорят, сороку и ворону, не пропускал даже дворовых девок. Не раз подстергали молодого боярина в темных заулках мужья-рогоносцы и отцы порушенных девиц, а с него все как с гуся вода. На материнские укоры только улыбался, да и долго сердиться на него Марфа не могла, потому и простила ему историю с тайной женитьбой.

Не успела подумать о Дмитрие, как он сам стремительно вошел в горницу. Взгляд тревожный, сразу поняла, что-то стряслось. И точно! Вестей было две, и обе плохие. Весть первая: из Москвы вернулся Никита Ларионов, которого нареченный Новгородский владыка Феофил посылал за разрешением приехать в Москву для посвящения в архиепископский сан. Привез послание великого князя Ивана Васильевича, в котором тот разрешение дал, но при этом объявлял Новгород своей отчиной.

Вторая новость и того хуже. Приехали послы из Пскова. Рассказали, что на Рождественское говенье приезжал в Псков посол московский Селиван. Через него великий князь московский извещал псковичей, что если Новгород не покорится Москве, то Псков должен идти на новгородцев войной.

Марфа слушала сына с потемневшим от гнева лицом. Вот оно, извечное московское лицемерие! Говорят одно, думают другое, делают третье. Вечером в доме Борецких собрался ближний круг. Пришли Василий Казимир и его брат Яков Короб, Матвей Селезнев, Василий Селезнев Губа, Козьма Грузов, Иеремия Сухощек, Киприан Арзубьев, Павел Телятев, Козьма Григорьевич.

Когда высказались все, Марфа неожиданно объявила:

– Звоните вече! Хочу сама людям слово молвить!

Бояре переглянулись: женщины на вече отродясь не хаживали.

- Сама! – твердо повторила Марфа.
- Когда остались вдвоем с сыном, приказала:
- Раздобудь у псковичей московскую грамоту!
- А ежели не отдадут? – усомнился Дмитрий.
- Укради, выкупи, но добудь! – отрезала Марфа.

4

Давно не собирало столько народа новгородское вече. Облетевшие город слухи растревожили горожан. Ближе к вечеру вся площадь от Никольского собора до Готского двора была плотно забита людьми. Стояли даже на ледяном припое незамерзающей волховской полыньи, рискуя провалиться в воду. Многие пришли с оружием, у некоторых под верхней одеждой угадывались кольчуги.

В первых рядах, по обыкновению, стояла новгородская господа: старые и новые посадники, тысяцкие, кончанские старосты. Наособь занял место московский наместник Яков Захарьин. Владыку на вече представлял новый ключник, заменивший Пимена. Не было и князя Михаила Олельковича.

Пора было начинать, но почему-то не начинали. Томясь ожиданием, люди топтались, переговаривались, хлопали себя по бокам, согреваясь на январском морозе.

Наконец по ступеням вечевого помоста поднялись степенные посадники Дмитрий Борецкий и Василий Максимович, а с ними московский наместник и владычный посол Никита Ларионов. Притихшая толпа обратилась в слух.

– «Что отчина моя Великий Новгород прислали ко мне бити челом, – начал зычно читать Ларионов, – и аз, князь великий, жалую и нареченного Феофила и велю ему быти к себе на Москву без всяких зацепок, но по прежнему обычаю, как было при отце моем, и при деде, и при прадеде моем, и при преже бывших всех великих князей Володимерских и Новагорода и всея Руси!»

Посол умолк, вечевая площадь задвигалась, загомонила, переваривая услышанное. На лице владычного ключника читалось удовлетворение, победительно улыбался московский наместник. Но вдруг толпа всколебалась, пропуская кого-то вперед, и по ступеням вечевого помоста молодо взбежала Марфа Борецкая. С высоты помоста оглядела площадь, пережидая недоуменный гул – единственная женщина среди огромной мужской толпы.

Готовиться к вечу Марфа начала со вчерашнего дня. Накануне до изнемоги парилась в бане, с утра умылась серебряной водой и отварами трав, набелила и нарумянила лицо, подвела сурьмой брови и ресницы. Долго и придирчиво выбирала наряд. Поначалу хотела одеться строго, но потом передумала. Выбрала ферязь из вишневого бархата, поверх нее легкую парчовую шубку с золотыми цветами, отороченную собольим мехом и с разрезными рукавами. На оплечье надела бармы, украшенные драгоценными камнями, седеющие волосы укрыла атласным повоем, а сверху воздвигла соболиную шапку-венец. Девки-прислужницы, одевавшие боярыню, восхищенно ахали, да и сама Марфа, оглядев себя в венецианском зеркале, осталась довольна.

Наряжаясь, с нарастающим волнением думала о том, что сказать и как сказать. На ее памяти никогда еще на вече не держала слово женщина. А ну как сгонят, освищут, не станут слушать?

Перед тем как сесть в сани, выпила для храбрости кубок фряжского. Страх отпустил. Но когда увидела море выжидательно задранных голов и блестящие полосы людских глаз, тотчас забыла все, что собралась сказать. Ухнуло сердце, поплыла голова. Подумала как о ком-то постороннем: а ну как упаду, вот смеху будет! Волнение матери передалось Дмитрию, и,

сделав три шага вперед, он встал сзади нее. Почувствовав близость сына, Марфа тотчас же успокоилась. Набрал полную грудь морозного воздуха, возгласила:

– Люди новгородские! Что слышим мы? Что город наш уже не Господин Великий Новгород, а вотчина князя Ивана, и сами вы уже не вольные мужи, а слуги государевы!

Сама удивилась полнозвучию своего голоса. И будто бы не она, а кто-то за нее бросал в толпу жгучие слова об обидах, чинимых новгородцам московскими князьями. Мало того, что сколь годов берет Москва с новгородцев ордынский выход, оставляя немалую долю себе, так теперь и вовсе обложила республику подушной податью. И разве хоть раз помогла Москва Новгороду отбиваться от врагов? И разве московскими могилами испятнаны пути на Грумант и Каменный пояс? Так по какому праву Москва норовит подмять под себя вольный Новгород, переустроить все на свой лад, решать за Новгород, с кем ему торговать, с кем дружить, а с кем воевать?

Марфа на мгновение умолкла, переводя дух. Воспользовавшись паузой, тотчас выкашлялся вперед московский наместник, разразившись потоком бранных слов. Попрекнул Марфу богатством, про которое она печется, прикрываясь ложными словесами.

Величавым жестом Марфа прервала наместника:

– Правду сказал московский боярин! – объявила она. – Богата я несметно – и земли у меня вдоволь, и злата-серебра хватает. Но вот что я вам скажу перед Богом и Святой Софией! Коли надо будет, все отдам за новгородскую волю!

Переждав одобрительный гул, продолжала:

– Да только не обо мне нынче речь. Прельщает нас московский государь лъстивыми словами, а сам исподтишка войну готовит и псковичей на нас поднимает!

Возмущенный гул прокатился над толпой.

– Или, может, я снова лгу? – требовательно спросила Марфа. – Отвечай, наместник! Звал московский государь Псков идти войной на Новгород или нет?

– Пусть скажет!!! – рокотом пронеслось в толпе.

Бледный наместник широко перекрестился и объявил:

– Не было такого!

Марфа только и ждала такого ответа. Выхватила из рукава шубы грамоту и громко прочла:

– «А ежели не добьет мне челом Великий Новгород, тогда бы моя вотчина Псков послужил бы мне на Великий Новгород».

Мертвая тишина повисла над площадью. А потом негодующий рев тысячи глоток пронесся над Ярославовым двором, поднял тучи галок над стоящими кустом церквями, перелетел через заснеженный Волхов и, отразившись от стен Детинца, вернулся назад.

Перетрусивший наместник спешно покидал площадь, провожаемый матерной бранью и мерзлыми конскими яблоками. А толпа все редела, не желая расходиться.

– Не хотим за великого князя Московского, ни зватися отчиной его. Вольные мы люди Великий Новгород!

...Вечером в доме Борецких снова собрался ближний круг. Бояре славословили Марфу. В городе только и разговоров про то, как она разделалась с московским наместником.

– Погодите радоваться, – отмахнулась Марфа. – Аль не видите: война на пороге! И в одиночку нам против Москвы не устоять. Пора засылать послов к королю Казимиру.

В горнице повисла тишина. Бояре переглянулись, вдруг осознав неотвратимость рокового выбора: покориться Москве или вступить в союз с Литвой? И хоть не раз звал Новгород на службу литовских князей, но союз с королем-католиком против православного государя – это совсем другая статья! И как поведет себя архиепископ Феофил, который должен будет утвердить договор? А главное, как заставить проголосовать за союз с Литвой вече? Странников Москвы в Новгороде немало, значит, не миновать большой драки.

Но у Марфы на все был готов ответ. Надо так составить договор, чтобы православная вера оставалась нерушима, чтобы Казимир в новгородские дела не мешался, а только помог установить мир с Москвой. Владыку найдем способ уговорить, а не захочет, выберем другого. Что до московских прихвостней, то надо пугнуть их как следует!

Добавила с иронией:

– Пускай мой сынок Федор наймет своих кулачников да шильников. На это у него ума хватит!

За разговором кто-то вдруг вспомнил:

– А отчего это князя Михайлу Олельковича нигде не слышать? Мы за какие доблести ему жалованье платим?

Глава 6. Страсти накаляются

1

Зима выдалась вьюжная. Разбойный ветер-шелоник, разгоняясь над ледяной пустыней Ильменя, завалил Городище сугробами по самые окна. Выходя помочиться с высокого крыльца, князь Михаил Олелькович глядел на ныряющую в серых тучах мутно-желтую луну, слушал тоскливый вой волков и проклинал тот день и час, когда он согласился ехать в Новгород.

В канун Рождества пришла из Киева печальная весть о кончине старшего брата – киевского наместника Семена Олельковича. И это были еще не все дурные новости. Как и предсказывал покойный брат, на освободившийся киевский стол король Казимир поставил своего клеветы Мартина Гаштольда. Верные Олельковичам киевляне не пустили того в город, и Гаштольду пришлось просить у короля войско. В отместку за непокорность Казимир упразднил Киевское княжество, объявив его воеводством, а воеводой назначил все того же Мартина Гаштольда. Горожане негодуют, но сделать ничего не могут.

– Эх, меня не было! – ярился Михаил, слушая рассказ купцов.

Сгоряча хотел немедленно возвращаться, чтобы силой восстановить свои права. Но, чуть успокоившись, понял: поздно! Караван был в пути три седмицы. Столько же уйдет на то, чтобы добраться до Киева. За это время Гаштольд успеет подготовиться к обороне, значит, наскоком взять город не удастся. И снова, в который раз, князь Михаил пожалел, что принял приглашение новгородцев. Останься он дома, успел бы поднять своих сторонников, недовольных засильем поляков, и королю пришлось бы волей-неволей договариваться. А теперь он сидит за тысячи верст, в то время когда в Киеве вершатся главные дела.

Можно бы обратиться за помощью к двоюродному брату, великому князю московскому, да только вот беда, пока Михаил Олелькович сидит князем в непокорном Новгороде, москвит считает его своим врагом. Надо вступить с Иваном Васильевичем в переговоры, предложить ему тайный союз. Но как быть с новгородскими властями? Любые пересылки с Москвой сочтут изменой, а с изменниками здесь разговор короткий.

Значит, нужен посредник, человек, которому можно довериться.

Размышляя о том, кто мог бы стать этим посредником, князь Михаил подумал о лекаре Захарии. Брат говорил, что ему можно верить. Да и сам Михаил Олелькович имел возможность убедиться в удивительных способностях лекаря. Умен, хитер, ловок как бес, а главное, умеет держать язык за зубами. А в случае чего какой с него спрос? Лекарь – он и есть лекарь.

2

Купцы-караимы, доставившие князю Михаилу Олельковичу печальные вести из Киева, привезли послание и для Захарии Скары. Богатый крымский купец Хозя Кокос прислал своему старинному другу письмо на свитке тонкого пергамента, к которому присовокупил изысканный подарок – арабский кальян. Письмо было непростое. Для непосвященных – обычная коммерция: цены, товары, спрос, а также просьба помочь купцам наладить торговлю в Новгороде. Но стоило разогреть пергамент на пламени свечи, как между строк проступило другое, шифрованное послание, прочитав которое Захария надолго задумался.

Он познакомился с Кокосом много лет назад и с тех пор поддерживал с ним постоянную связь, весьма полезную для обоих. В огромном доме Кокоса на набережной Кафы толпились купцы из Генуи и Венеции, Литвы и Польши, Венгрии и Молдавии. Густое крымское вино раз-

вязывало языки гостей, и Кокосу оставалось только наматывать услышанное на свои крашенные хной усы. Добытые сведения он тщательно сортировал, а затем предлагал тем, кого они могли заинтересовать. Денег не брал, предпочитая расчет дорогими подарками и взаимными услугами, и пользовался репутацией солидного и уважаемого партнера.

Свои источники были и у Захарии Скары. В годы странствий по Европе он вступил в тайный орден, именуемый Братством святой каббалы. Предаваясь оккультным исканиям и мистическим озарениям, орден не пренебрегал и мирскими делами. Многие братья состояли астрологами при дворах европейских монархов. Обмениваясь сведениями о закулисной политике своих государств, члены братства поражали воображение суверенов удивительно точными предсказаниями, облакая их в мишуру глубокомысленных рассуждений о поведении небесных тел. Все это попахивало шпионажем и могло иметь печальные последствия, поэтому члены братства строго придерживались правил конспирации. Переписка осуществлялась с помощью шифров, все братья имели псевдонимы, а их подлинные имена были ведомы только магистру ордена – скромному аббату небольшого монастыря в предгорьях Альп.

На этот раз кафский купец сообщал о приезде в столицу Крымского ханства город Бахчисарай московского посла – боярина Василия Шеина. Посол привез хану личное послание великого князя Ивана Васильевича и богатые дары: меха, рыбий зуб и драгоценные камни. После завершения переговоров хан Менгли-Гирей немедленно собрал совет дивана и приказал готовиться к походу. Цель похода Кокосу была неизвестна, но, по его предположению, это будут южнорусские земли Литвы и город Киев.

Полученные сведения требовали серьезных размышлений. Тут-то и пригодился подарок Кокоса, знавшего о давнем влечении Захарии к кальяну, к которому тот пристрастился, путешествуя по восточным странам. Кальян был великолепен. Кованый серебряный корпус покрыт узорчатой арабской вязью, колба зеленого венецианского стекла, гибкая трубка из змеиной кожи, мундштук из янтаря. В отдельных мешочках ароматические травы и кипарисовые угли, Кокос позаботился и об этом.

Медленно священнодействуя, Захария стал готовить кальян к курению. Насыпал ароматические травы, залил в колбу легкое вино, в котором предварительно размешал небольшую щепотку опиума, и разжег угли. Затем лег на подушки и, почмокав губами, сделал первую затяжку. Ароматный дымок проник в легкие, не вызвав кашля, тело охватило блаженное тепло, но голова оставалась ясной и трезвой.

Теперь можно было начать рассуждать.

В принципе ничего неожиданного в сообщении Кокоса не было, крымчаки регулярно грабили русские окраины Литвы. Но на этот раз московский государь явно подталкивал хана к скорейшему выступлению, не поскупившись ради этого на щедрые дары. Менгли-Гирей считался вассалом турецкого султана, но при этом состоял в союзнических отношениях с Москвой. У них было два общих врага. Первый – великий князь литовский и король польский Казимир. Второй – Золотая Орда, ослабевшая, но все еще мечтавшая возродиться в прежней силе. В прошлом году москвит с помощью крымского хана одержал важную победу над Казанским ханством. Следовательно, в наступившем году у Ивана Васильевича будут развязаны руки для того, чтобы приступить к осуществлению какой-то другой цели.

События последних месяцев указывали на то, что этой целью будет Новгородская республика. Срочный визит боярина Шеина в Бахчисарай означал, что Иван Васильевич принял решение начать войну уже в наступившем году. Очевидно, москвита встревожили вести о наметившемся союзе новгородцев с Литвой и он решил нанести упреждающий удар. Но для этого следовало отвлечь внимание короля Казимира. Если Менгли-Гирей нападет на литовские земли, король не решится прийти на помощь новгородцам и Москва сможет без помех подчинить себе непокорную республику.

Загадка была разгадана, и Захария удовлетворенно откинулся на подушки, вознаградив себя тремя глубокими затяжками ароматного дыма. Итак, война неизбежна. Вопрос заключался лишь в том, сможет ли республика в одиночку противостоять Москве.

Как опытный врач, который способен распознать неизлечимую болезнь у внешне здорового человека, Захария видел, что Новгород поражен тяжелым недугом, проистекавшим от жадности богатых и зависти бедных. Увы, город разделен, а над разделенными всегда кто-то властвует. Свобода и порожденный ею дух предприимчивости создал это чудо среди лесов и болот. Чужие богатства всегда манили хищников, однако республика даже не имела регулярного войска, полагаясь на ополчение, хотя всем ведомо, что один опытный и закаленный воин стоит десятерых ополченцев. Крепостные сооружения находились в плачевном состоянии. Стены Детинца зияли провалами.

Итак, печально, но город обречен. Он падет, как пал Иерусалим, под натиском алчных завоевателей, раздираемый распрями изнутри. С провидческой ясностью Захария видел, как постепенно, по кускам, республика будет отдавать свою волю, пока не отдаст все.

Отсюда следовало сразу несколько важных решений. Во-первых, нужно убедить князя Михаила Олельковича как можно скорее покинуть Новгород и уехать вместе с ним. Во-вторых, предупредить о готовящемся походе Менгли-Гирея киевских караимов, чтобы уберечь общину от разграбления. Третье решение далось Захарии нелегко. Он долго раздумывал над тем, стоит ли извещать о своих выводах короля Казимира, но в конце концов решил не делать этого. Зачем помогать Новгороду, если он все равно обречен? Лучше постараться установить доверительные отношения с московским государем, ибо путь в русские земли отныне будет лежать не через Новгород, а через Москву.

От этих размышлений Захария отвлек посыльный от Михаила Олельковича. Князь требовал лекаря к себе.

3

Выслушав Михаила Олельковича, Захария не стал отвечать сразу. Сделал вид, что ничего не знает о назревающих событиях, и попросил время, дабы составить гороскоп. На следующий день он снова предстал перед князем и привычно пустился в долгие рассуждения, из которых следовало, что Новгород в настоящее время находится под знаком Белой Луны, в то время как над Москвой взошла Луна Красная. Это означает неизбежность скорой войны, в которой Красная Луна одержит верх над Белой. Поэтому князю Михаилу следует поскорее покинуть Новгород.

Князь в свою очередь откровенно поведал провидцу о том, что случилось в Киеве после смерти брата Семена, и попросил Захария помочь ему вступить в тайные переговоры с московским наместником. Поразмыслив, лекарь обещал устроить встречу. Среди новгородских книжников, с которыми он теперь постоянно общался, был молодой боярин Григорий Туча, не скрывавший своих промосковских настроений. Через него и решено было действовать.

Встречу назначили в Клопском монастыре, куда Михаил Олелькович должен был приехать под видом охоты. Накануне выпала пороша, и по дороге в монастырь князь затравил пару зайцев, хотя договор с новгородцами запрещал ему охотиться в этих местах. У ворот в обитель Михаила Олельковича встретил отец настоятель и проводил в свою келью, где уже ждал московский наместник, после чего монах деликатно удалился, оставив гостей наедине.

Беседа длилась более часа, после чего собеседники расстались, довольные друг другом. Наместник пообещал, не мешкая, сообщить московскому государю о желании князя Михаила Олельковича заручиться его поддержкой в борьбе за киевский стол, а также о его намерении срочно покинуть Новгород, чтобы не мешать государю в осуществлении его планов.

...Следующая встреча состоялась две недели спустя. На этот раз кроме наместника в келье сидел московский дьяк, который передал князю от лица своего государя уверения в дружбе и братской любви. Что же касается намерения князя Михаила покинуть Новгород, продолжал дьяк, то государь просит его не спешить. Уйди князь сейчас, новгородцы быстро найдут ему замену – скорей всего, вернут из Заволочья служилого воеводу Гребенку-Шуйского, а тот успеет подготовить город к обороне. Посему надо выиграть время, хотя бы до весны. Государь оценит эту услугу, и окажет Михаилу Олельковичу помощь в восстановлении его законных прав на киевский стол.

Перед расставанием дьяк достал из-за пазухи кошель серебра:

– Прими, князь, государев подарок! Слыхали мы, что новгородцы не больно-то тебя жалуют. Ну а ежели станут посадники попрекать тебя бездельем, сошлись на болезнь. Говорят, лекарь у тебя великий дока, любую хворь придумает.

4

Между тем страсти в городе накалялись. В скором времени городское вече должно было принять или отвергнуть союз с королем Казимиром. Каждый вечер в доме Борецких собирался ближний круг. Понимая всю важность момента, Марфа настойчиво подталкивала своих сторонников к решительным действиям. Самые опытные в дипломатических делах бояре готовили текст договора с Литвой. Другие должны были обеспечить поддержку совета господ и надавить на архиепископа Феофила, без благословения которого решение веча не могло вступить в законную силу.

На себя Марфа взяла колеблющихся. Действуя убеждением, лестью и подкупом, сумела переманить в свой лагерь нескольких именитых новгородцев, за которыми стояли их многочисленные кланы.

Младшему сыну Марфа поручила заняться устрашением сторонников Москвы. Окрыленный материнским доверием Федор рьяно принялся за дело. В городе обреталось великое множество лихого народа: шильников, ушкуйников, кулачных бойцов, профессиональных поединщиков. Федор сколотил из них несколько ватаг, готовых за плату на все тяжкие. Для начала приказал проучить нескольких самых ретивых приверженцев Москвы из купцов, торговавших в Низовских землях. Кого-то подстеречь с кистенем в темном закоулке, а самым упрямым пустить красного петуха. Бить не до смерти, но так, чтобы на ноги встал не скоро. Будут спрашивать: «За что бьете?» – отвечать: «Коли не люб тебе Новгород, убирайся в свою Москву!» Когда соберется вече, всем громко кричать за Литву и затыкать тех, кто будет на стороне московского князя. Запастись острыми шильями. Когда надо будет подавать голоса за Литву, шпынять ими в мягкие части впередистоящих, невольные вопли которых зачтутся как голоса одобрения.

...В последнее воскресенье февраля вновь созвонили вече. Народу пришло не меньше, чем в прошлый раз. Труды Марфы и ее сторонников не пропали даром, настроение в городе явно поменялось в пользу договора с Литвой. Коварство Москвы, натравившей на Новгород псковичей, заветы старины, страх утраты привычных вольностей подействовали на умы горожан. Сказались и меры устрашения. После нескольких уличных расправ многие противники Борецких побоялись прийти на площадь.

Первым на вечевую ступень поднялся боярин Василий Максимович. С медлительной торжественностью развернул пергаментный свиток договора Великого Новгорода с королем Казимиром.

– Король держит Новгород в воле мужей вольных, по их старине и по крестной грамоте, – раскатился над вечем зычный голос. – Целует крест ко всему Великому Новгороду за все свое княжество и за всю Раду литовскую. Король не отнимает у новгородцев их веры греческой

православной. И где будет любо Великому Новгороду, тут и поставит себе владыку; римских церквей король не ставит ни в Новгороде, ни в пригородах, ни по всей земле Новгородской.

Площадь слушала с напряженным вниманием, а посадник продолжал перечислять все новые пункты, каждый из которых заботливо оберегал новгородские интересы. Воспрещались королевские торговые пошлины, наместник и дворецкий Казимира могли держать на Городище не более пятидесяти человек и не имели права владеть новгородской собственностью. В королевскую казну поступали налоги от Русы, Ладоги, Ижоры, зато доходы от самых богатых мехами и воском волостей Заволочья, Перми, Печоры текли в казну республики. Торговля с Ганзой сохранялась в неприкосновенности. Суд, как исстари было заведено, объявлялся местный, только вместо князя рядом с посадником садился королевский наместник.

Главный пункт договора составители приберегли напоследок:

– Пойдет великий князь Московский на Великий Новгород, или сын его, или брат, или которую землю поднимет на Великий Новгород, королю садиться на коня за Новгород со всею Радою литовскою; если же король, не помилив Новгорода с московским князем, поедет в Польскую землю или Немецкую и без него пойдет Москва на Новгород, то Рада литовская садится на коня и обороняет Новгород. Если король помирит Новгород с московским князем, то возьмет черный бор по новгородским волостям, один раз, по старым грамотам. За это послы новгородские готовы целовать крест честному королю за весь Великий Новгород в правду без всякого извета.

Когда отзвучали последние слова договора, искушенные мужи многозначительно переглянулись. Получалось, что Новгород не переходил в подданство Литвы, а просто заключал договор о взаимопомощи на случай нападения третьей стороны.

Подписали договор от имени Великого Новгорода посадники Офнос Остафьевич и Дмитрий Исакович, посадничий сын Иван Кузьмич, от житых людей Панфил Селифантов, Кирилл Иванович, Яким Яковлевич, Яков Зиновьевич, Степан Григорьевич. Им и предстояло ехать с посольством в Вильну. Толпа напряженно ожидала архиепископского одобрения договора и, услышав слова: «Владыка благословил!», облегченно выдохнула.

На вечернюю степенность поднялся бледный от волнения московский наместник Яков Захарин. Прокричал, надсаживаясь: «Люди новгородские, исправьтесь, помните, что Новгород – отчина великого князя! Не творите лиха, живите по старине!» Его не слушали. Нестройные выкрики «К Москве хотим!» – были заглушены слитным ревом вечернего большинства. На несогласных угрожающе надвинулись нанятые Борецкими ватажники. Полетели камни, хряснули колья, несколько человек с разбитыми головами пали на утоптаный снег.

Расходились с площади, оживленно переговариваясь. Мало кто тогда осознал всю глубину произошедшего разрыва. Говорили: эка невидаль! Новгородцам не впервой с Литвой дружить, и люди там такие же русские, как и мы, и веру нашу сохраним в целости.

Глава 7. Митя Малой

1

Пока посольство готовилось к отъезду в Литву, таинственно исчез толмач Путята, обычно сопровождавший новгородских послов за границей. Беглый толмач должен был перевести на два языка – латынь и немецкий – договор новгородцев с королем Казимиром, и теперь посольство осталось и без переводчика, и без договорных грамот. Хуже того, прошел слух, что Путяту перекупили московские лазутчики и что он за мзду немалую продал им копию договора. О том, какие еще секреты республики мог продать Москве много знавший толмач, Дмитрий Борецкий боялся даже думать.

Кошунственно поминая святых угодников, посадник кинулся на владычный двор и отыскал там дьякона Герасима, ведавшего библиотекой и переводчиками. Выслушав посадника, протодьякон задумчиво почесал выбритую на затылке «поповскую плешь» и уверенно изрек:

– Есть у меня человек. Должен справиться.

По высокому резному крыльцу они поднялись в книгописную мастерскую, где в свете лучин скрипели перьями полтора десятка переписчиков.

– Бог помощь, грамотеи! – поздоровался посадник и, поморщившись, добавил: – Однако дух тут у вас тяжелый!

– Не взъщичте, гости дорогие! – под общий смех ответил один из переписчиков. – Как едим, так и пердим!

– Митя! Малой! – позвал Герасим.

Встал русоволосый отрок лет четырнадцати, вежливо поклонился и вопросительно уставился на пришедших живыми карими глазами.

– Брат мой меньшей, Митя Герасимов, – представил отрока протодьякон. – Вот он-то тебе и нужен.

– А ты, я гляжу, шутник, отец Герасим! – осерчал посадник. – Тут важнейшее дело, а ты мне дите титешное суешь!

– Зря гневаешься, боярин. Митька хоть и юн годами, а уже три языка в доподлинности знает. Может разговор толмачить, может книги переводить.

– Что, взаправду три языка знаешь? – недоверчиво спросил отрока Борецкий.

– Ведаю латынь, немецкий и греческий, – бойко ответил Митя. – Еще польский и еврейский понимаю, только говорю плохо.

– А ну проверим. Wo du erlernte deutch zu besprechen?

– Ich viel herumreiste, mein Herr! ⁵ – на чистейшем нижненемецком ответил отрок.

– Да ты не сомневайся, боярин! – встрял Герасим. – Он малый головастый, в Ливонии учился. Грамматику Донатову перевел, мы теперь по ней в школах ребят латыни учим.

– Ну а держать язык за зубами он умеет? – вспомнив Путяту, спросил Борецкий.

– Митька ганзейским купцам переводит, а уж они свои секреты блюдут пуще глаза, – успокоил посадника протодьякон.

Разговор продолжили в библиотеке Софийского собора, смотрителем которой служил отец Герасим.

– Ну вот что, тезка, – сказал Борецкий, извлекая из рукава сложенный вчетверо лист бумаги с текстом договора. – Надо перевести эту грамоту на немецкий и на латынь, а потом переписать на трех языках, да так, чтобы королю не зазорно было представить. И знай: от этого

⁵ Где ты научился говорить по-немецки? – Я много путешествовал, мой господин! (нем.)

манускрипта много чего зависит, может, даже вся наша жизнь. Если справишься, возьму тебя с собой в Вильну. А не справишься, твой брат за тебя ответит. Уразумел? На все про все даю тебе сутки.

Оставшись вдвоем, братья долго молчали. Первым заговорил Герасим:

– Работать будешь здесь, в библиотеке. Двери запири и никому, кроме меня, не открывай. Пергамент, перья, чернила и прочее возьмешь в мастерской. Еду, питье и нужное ведро принесу тебе сам. Все понял?

Митя молча кивнул.

– Ну, братка, не подведи!

...Прежде чем приступить к работе, Митя спустился к алтарю и пал на колени перед иконой Знамения Пресвятой Богородицы, перенесенной в Софию по случаю престольного праздника. Богородица смотрела на Митю с жалостью, будто говорила: и зачем ты с ними связался, сынок? Ликом Мать Божья напоминала Мите рано умершую мать, вот только у матери не было щербинки под глазом, выбитой вражеской стрелой, когда Новгород был осажден суздальским войском, но выстоял благодаря Небесной Заступнице. Отец умер еще раньше, и расти бы Мите круглым сиротой, если бы не старший брат Герасим, заменивший ему и отца, и мать, и школьного учителя.

Зажегши свечи, Митя занялся переводом, сначала на латынь, потом на немецкий. Текст оказался не особо сложный, а по сравнению с «Христианской топографией» Козьмы Индикоплева, которую Митя сейчас переписывал для Софийской библиотеки, и вовсе простой.

Закончив перевод, стал выбирать подходящие по размерам и качеству листы пергамента. Пергамент был телячий, местной выделки. Греческий, знамо дело, был бы лучше, но этот тоже неплох. Книжки в Новгороде переписывают во множестве, покупать иноземный пергамент никаких денег не хватает. Брат рассказывал, что на огромное Евангелие-апрокос, заказанное много лет назад для Софии посадником Остромиром, потребовались шкуры полутараста телят. Это ж целое стадо!

Отобрав из кипы три подходящих листа, Митя вооружился коротким острым ножом и по линейке обрезал края. Потом тщательно исследовал поверхности пергамента, потерся щекой, прошелся кончиками пальцев. Не приведи Бог пропустить невылощенные жировые пятна – «зализы»: чернила растекутся, и все, пропало дело! Обнаруженные пятна пошlifовал пемзой. Несколько круглых дырочек – следы от укусов телят оводами – заклеил тонкими заплатками с помощью осетрового клея.

Ну вот, теперь можно приступать.

Аккуратно разложил на особом столе со скошенной столешницей все необходимое для письма. Чернильница из лосяного рога с двумя отверстиями – одно для чернил, другое для киновари. Песочница с белым кварцевым песком. Два ножичка, один для заточки и обрезки перьев, другой – с широким лезвием – для подчистки клякс. Губка для смывания текста. Пемза. Подкладная доска. Шильце острое и шильце тупое. Линейка. Свинцовый карандаш. Кусочки пергамента с образцами шрифтов на трех языках. Листочки с переведенным текстом.

Кажется, ничего не забыл.

Теперь перья. Их Митя хранил в заветном туеске из бересты. У переписчиков особым шиком считалось пользоваться павлиньими перьями, но Митя предпочитал лебяжьи. Во-первых, павлиньи стоят несусветно, опять же где их взять, павлинов-то, а лебеди – вон они, каждую весну садятся огромными белыми стаями в ильменскую пойму. Только перо надо брать непременно из левого крыла птицы, чтобы загиб был удобен для пишущей руки. Держат писцы перо по-разному: кто щепотью, кто двумя, кто тремя пальцами. Митя предпочитал держать перо так, как на иконе с изображением апостола Иоанна, диктующего Евангелие писарю Прохору, то есть четырьмя пальцами. Большой палец снизу, полусогнутый указательный – сверху, средний и безымянный – сбоку, мизинец опирается на лист пергамента.

Обрезав опахало, Митя потыкал перо в разогретый песок, чтобы снять жировой слой. Затем срезал кончик наискосок, расщепил и заточил. Отложив готовое перо, залил в чернильницу свежие чернила собственного приготовления, секрет которых Мите достался от брата. Берется ржавое железо, ну там старые замки, ключи, цепи, гвозди. Все это рубят на мелкие кусочки и опускают в кувшин, а потом заливают раствором дубовой коры, в который надо добавить процеженные кислые щи или уксус. Потом кувшин ставят в теплое место для выдержки, время от времени добавляя новый раствор. Черные чернила делают из сажи, их еще называют копчеными. Для них ставят в печь горшки с пробитым дном, снизу разжигают костерок из бересты. Сажа оседает на стенки горшка, ее потом смешивают со слюной либо с вином и разбавляют вишневым клеем – камедью, для прочности еще добавляют дубовые орешки.

Прежде чем начинать писать, чернила следует непременно «покушать», то есть испытать на пробу. Митя так и сделал, написав на клочке пергамента: «Помози Господи рабу Божию Димитрию». Правильные чернила должны глубоко проникать в пергамент, неправильные быстро осыпаются, выгорают и выцветают. Чернила оказались правильные: густые, темно-коричневые, с металлическим отливом. Написанный ими манускрипт можно будет прочесть через много лет.

Прикрепив лист пергамента к столешнице, сверху наложил «карамсу» – прямоугольную рамку с натянутыми поперек тонкими жилами – и разлиновал пергамент тупым шильцем. Начинать Митя решил с русской копии договора как более простой. Но сначала надо было решить, каким письмом писать. Можно, к примеру, старинным уставом. Письмо торжественное, буквы квадратные, благолепные, каждая черточка пишется с отрывом пера. Есть еще полуустав, он мельче и проще, буквы строятся с наклоном. Наконец, есть скоропись, в ней соседние буквы пишутся безотрывно, а слова можно сокращать. Поразмышляв, остановился на полууставе. Устав более приличествует для книг богослужебных, скоропись – для деловых бумаг, зато полуустав будет в самый раз.

Писать красиво не каждому дано. Нужен талант, но главное – терпение и прилежание. Брат начал обучать Митю этому искусству с пяти лет. Сначала писали на cere – можжевельной дощечке, покрытой воском. Потом на бересте. От железного писала на руке появились волдыри и мозоли, зато пальцы обрели твердость. Потом стали писать на бумаге, и только на третий год обучения брат доверил Мите пергамент. Учителем Герасим был строгим, заставлял снова и снова копировать прописи, случалось, и за виски драл, и линейкой охаживал, но своего добился. Ныне почерк у Мити Малого едва ли не лучший в Новгороде.

– Всегда помни, Митька, какие ты книги переписываешь, – часто говаривал Герасим. – По ним люди молитву ко Господу возносят. Ошибешься в едином слове, и не дойдет их молитва куда надо. А посему, начиная писать, запасайся терпением ангельским, и все суетное гони прочь!

Митя глубоко вздохнул, трижды прочел «Отче наш» и тонкой кисточкой вывел киноварью заглавную буквицу «С» – слово. Отложив кисточку, взял перо и начал писать:

«Се яз честны король полский и князь велики литовский докончал есми мир с нареченым на владычество с Феофилом, и с посадники новгородцкими, и с тысяцкими, и с бояры, и с житыми, и с купци, и со всем Великимновымгородом...»

Всех пунктов договора было 29. Когда Митя дописал последний, на Софию уже опускалась ночь. Ломило плечи. Митя вышел из библиотеки и спустился на хоры. Отсюда храм был как на ладони. Вечерняя служба давно закончилась, собор был пуст и заперт снаружи. Тускло поблескивал серебром огромный иконостас, рубиново светились огоньки лампад. Сверху из купольной полутьмы на Митю взыскующе глядел Спаситель: дескать, не подведи, коли взялся!

Вернувшись в библиотеку, Митя помахал руками, разгоняя сонный морок, и снова взялся за перо. Когда закончил латинскую копию, сквозь окна уже пробивался бледный утренний свет.

Оставалась последняя и самая трудная немецкая копия. Для нее Митя выбрал угловатый готический шрифт, привычный ему по ганзейским документам. Шрифт этот, правду сказать, ему не нравился, тот, кто его придумал, казалось, нарочно старался сделать текст трудночитаемым. Буквы стоят плотно, впритык, немцы – известные крохоборы, на всем экономят, особенно на дорогом пергаменте.

...Ночь давно истекла, слипались глаза. Когда перо начинало предательски подрагивать в усталых пальцах, Митя вставал, приседал, бил себя по щекам, яростно тер уши и садился за работу снова. И вот уже сквозь запертую дверь библиотеки донеслись звуки заутрени. Заглянул Герасим, что-то спросил, но Митя только нетерпеливо дернул плечом. Дьякон повздыхал, глядя на согбенную спину младшего брата, и тихо удалился.

Уже отслужили обедню, когда Митя вывел последнюю строчку. Внимательно перечитав все три копии, скатал их в свитки и перевязал красной тесьмой, после чего уронил голову на руки и уснул как убитый.

Очнулся Митя от властных голосов. В сопровождении Герасима в библиотеку вошел Дмитрий Борецкий, с ним еще двое, которых Митя не знал.

– А ну, малец, показывай! – строго велел Борецкий.

Пробежав глазами ровные, красиво выписанные на трех языках строчки, посадник облегченно вздохнул и молвил потеплевшим голосом:

– Ай да Малой! Правду сказать, не верил, что так быстро справишься. Ну и как тебе сей договор?

– Скажу, когда его исполнят, а покамест это только буквицы, – ответил Митя.

– А ты востер! – рассмеялся Борецкий. – Ладно, беру тебя в толмачи. Поедешь с нами в Вильну. Только сначала надо тебя одеть прилично да лохмы постричь. Чать, самого короля переводить будешь!

Перед уходом посадник снял с указательного пальца серебряный перстень и протянул его Мите со словами:

– Держи, это тебе от меня.

Перстень оказался велик, и, чтобы не потерять, Митя повесил его на кожаный шнурок вместе с наперсным крестом. Шагая по тесаным плахам мостовой и, ощущая на груди приятный холодок серебряного перстня, Митя тихо напевал любимый псалом: «Радостно, радостно шествую в путь...»

2

Дорога от Великого Новгорода до Вильны заняла две седмицы. Сразу по прибытии новгородцы долго и щепетильно обсуждали церемониал предстоящего приема с королевским дворецким. Дворецкого насторожила малая численность посольства. Всем своим видом он выражал сомнение: уж не являются ли эти люди самозванцами, не обладающими необходимыми полномочиями для переговоров с монархом? И только узнав, что среди послов находятся высшие должностные лица республики, дворецкий несколько успокоился.

Языком переговоров определили латынь, договорившись, что у каждой стороны будет свой толмач. Когда новгородцы представили Митю, поляк изумленно вскинул тонкие брови: «Езус Мария! Сей хлопчик будет переводить короля?» На помощь смутившемуся Мите пришел посадник Борецкий, напомнив, что выбор толмача является правом каждой стороны. На этом споры не закончились, поскольку новгородцы отклонили целование руки монарху и коленинопреклоненную позу. После долгих препирательств сошлись на глубоком поклоне. Дворецкий еще бы долго закатывал глаза и поминал матку боску, но после того, как ему были вручены дорогие подарки, пан стал сама любезность.

Казимир IV принял новгородских послов в Верхнем замке, в том самом рыцарском зале, где в прошлом году он принимал братьев Олельковичей. Роль толмача с польской стороны выполнял королевский астролог и личный врач Петр Гашовец, одетый в черную мантию и с академической шапочкой на голове. За спиной короля стоял папский нунций, в течение приема не проронивший ни единого слова.

После вручения даров и посольских грамот вперед выступил Дмитрий Борецкий. Молодой посадник заметно волновался, говорил быстро, и Митя едва успевал переводить.

– Господин Великий Новгород – это европейский город с русской душой, – такими словами начал свою речь Дмитрий Борецкий. – Наша земля всегда была мостом между Европой и Русью, и мы хотели бы оставаться таковым и впредь. У Новгорода много общего с Литвой и Польшей, наши законы немногим отличаются от Магдебургского права, а наше вече – от вашего сейма. Мы преданы православной вере, но мы с уважением относимся ко всем религиям. Да, мы привыкли жить по своей воле, – продолжал посадник, – и более всего на свете дорожим ею. Но сейчас над нами нависла смертельная угроза. Великий князь Иван Васильевич хочет силой захватить наши земли и установить у нас московские порядки. Если ему это удастся, он пойдет дальше и захочет завоевать русские земли Литвы. Нужно остановить его сейчас, иначе потом будет поздно. И сделать это мы можем только вместе. Вот почему мы предлагаем вашему королевскому величеству заключить договор о взаимной помощи на случай нападения третьей стороны.

Ответная речь короля была краткой.

– Великий Новгород опровергает мнение тех, кто считает русских варварами, – сказал Казимир, – и он мог бы на равных влиться в семью европейских народов. Король приветствует это желание и будет всемерно ему способствовать. Что же касается московской угрозы, то Королевство Польское и Великое княжество Литовское будут, безусловно, на стороне Великого Новгорода. Но вместе с тем король желал бы знать: что предпринимают сами новгородцы, дабы защитить себя? При всем уважении к вольному городу король не понимает, почему республика так легкомысленно относится к собственной безопасности. Князь Михаил Олелькович извещает нас, что у республики нет постоянного войска, а его крепости находятся в плачевном состоянии. Мало красиво говорить о своей древней воле. Тот, кто дорожит свободой, должен биться за нее как дикий кабан, а не уподобляться домашней свинье, которая визжит под ножом.

Кровь бросилась в лицо Борецкому, и он едва удержался, чтобы не ответить резкостью. С достоинством возразил:

– Новгородцы не раз доблестно бились за свою волю, и мы готовы сложить за нее свои головы. Что до князя Михаила, то он пребывает в безделье и пока еще ничего не предпринял для того, чтобы подготовить город к обороне. Если так будет продолжаться и дальше, нам придется отказаться от его услуг!

Король сдвинул брови, повисло молчание. Напряжение разрядил Петр Гашовец, который что-то тихо сказал королю. Лицо монарха разгладилось.

– Князь Михаил отнюдь не лучший из королевских подданных, но это был ваш выбор, – извиняющимся тоном сказал Гашовец. – Его величество сожалеет, что князь не оправдывает его и ваше доверие. А теперь король готов выслушать ваши просьбы.

– Мы ни о чем не просим, – гордо отвечал Борецкий. – Мы хотим предложить королю заключить договор с Великим Новгородом, который был бы равно полезен для обеих сторон.

Получив согласие, Борецкий развернул договорную грамоту и стал зачитывать пункт за пунктом, а Митя переводил его на латынь. Король слушал внимательно, и Мите казалось, что он понимает по-русски, но дожидается перевода лишь для того, чтобы получить дополнительное время для обдумывания. Закончив читать, посадник с поклоном вручил договорную грамоту королю.

Полузакрыв веки, Казимир IV долго молчал. Потом что-то негромко сказал своему переводчику.

– Его королевское величество милостиво одобряет договор и готов его подписать! – торжественно возвестил Гашовец. – Однако для того, чтобы сей документ вступил в силу, его должен утвердить сейм. Таковы наши законы. Но вы можете не сомневаться, король использует все свое влияние для того, чтобы сейм принял правильное решение.

На этом аудиенция закончилась.

Вечером король Казимир дал ужин в честь новгородских послов. Рябило в глазах от золотых жупанов, бесценных мехов, шелков и бархата, золотых пуговиц, аграфов и плюмажей. Сам король был одет в белый атласный доломан, на поредевших волосах монарха красовалась легкая корона, увенчанная бриллиантовым крестиком.

Однако истинным украшением зала были польские дамы, исполненные очаровательного своеволия. Поймав на себе томный взгляд белокурой панны, Дмитрий Борецкий вдруг подумал об Анне Батори. Мелькнула шальная мысль: а что, если махнуть в Эчед?! Два дня туда, два дня обратно. Сами собой нарисовались в воображении соблазнительные картины, но, тряхнув головой, он отогнал дивное видение прочь...

3

На обратном пути новгородские послы остановились в придорожной корчме в ста верстах от Вильны. Важных постояльцев привечал сам хозяин, дородный русин, назвавшийся Федором Шестаковым. Отвел гостям лучшие покои, велел накормить лошадей отборным овсом, потчевал гостей местными яствами – холодным борщом «шалтибарщом» и «скиландисом», сырокопченой ветчиной в свином желудке.

Щедро подливая гостям горькую обжигающую старку, хозяин корчмы расспрашивал про Новгород, о котором слышал много хорошего, сетовал на притеснения русинов поляками. К концу ужина захмелевшие послы дружески хлопали корчмаря по обширной спине и, не стесняясь, продолжали обсуждать подробности королевского приема. Ближе к ночи позвали веселых девок, которые смело садились на колени гостям. Митю Герасимова отправили спать за малолетством, а сами продолжали бражничать до ночи. Из всей компании только Дмитрий Борецкий был молчалив и сосредоточен.

– О чем задумался, посадник? – окликнул его Матвей Селифантов. – Эвон как все складно получилось. Я уж и не чаял, что король так легко на все согласится.

– То-то и смутительно, что легко, – задумчиво ответил Дмитрий.

– Пустое! – отмахнулся Матвей. – Тебе сам король слово дал, а он своему слову хозяин.

– Ну да, – усмехнулся Дмитрий. – Сам дал, сам назад взял. Ладно, пойду спать, да и вы тут не засиживайтесь. Завтра рано в дорогу.

Вставая из-за стола, посадник поймал на себе неожиданно трезвый взгляд хозяина корчмы. Откуда было знать Борецкому, что Федька Шестаков уже давно являлся «сходником» – тайным агентом, завербованным московскими дипломатами. Как все русины, он ненавидел поляков и охотно принял предложение московитов, тем паче что ему была обещана щедрая плата.

Рано утром, пока послы еще спали, Шестаков отправился в ближний лесок, нашел там поваленное бурей дерево и опустил в его дупло записку. Несколько часов спустя у дерева появился молодой русин. Вынув записку, он спрятал ее в шапку, а потом, крадучись, вышел на поляну, где нетерпеливо махал гривой оседланный конь. Вскочив в седло, русин хлестнул коня плетью и вскоре исчез из виду.

4

Вернувшись в Новгород, Дмитрий Борецкий поделился своими сомнениями с матерью. Удивительная легкость, с которой Казимир принял все условия договора, могла означать только одно: король воевать за Новгород не собирается, ограничившись словесной поддержкой и щедрыми посулами. Так что рассчитывать, похоже, придется только на самих себя.

Марфу тоже томили тягостные предчувствия. Только что пришли худые вести из Москвы. Великий князь рассылает во все концы призывы готовиться к войне с Новгородом.

– А что делает князь Михайло? – спросил Дмитрий.

– Да ничего не делает! – с досадой отвечала Марфа. – Ровно и нет его!

Михаил Олелькович безвылазно сидел на Городище, сказываясь больным. Совет господ трижды вызывал князя для объяснений, но тот под разными предлогами уклонялся от встреч. Зато нахраписто требовал все новых выплат, а его прожорливое как саранча бездельное воинство поглощало целые обозы снеди. Распоясались, пристают на улицах к женам и девкам. Ненадежный народец, одно слово: хохлы!

Выслушав мать, Дмитрий решительно объявил: раз князь к нам не едет, поедем мы к нему!

На следующее утро на Городище отправилась депутация совета господ: пятеро посадников и трое тысяцких. Князь Михаил вышел к новгородцам здоров и румян, хотя и хмур. Бояре с порога стали осыпать его упреками. Уже пять месяцев сидит в Новгороде, а что сделал? Войско не снаряжает, людей не судит, крепостные стены зияют провалами, на оружейных складах пусто.

В ответ князь стал крикливо жаловаться на скудость корма. Он уже собирался объявить о том, что готов расторгнуть договор с новгородцами, но его опередил Дмитрий Борецкий:

– Ну вот что, князь! Не люб ты Великому Новгороду, нет от тебя проку. Вот тебе Бог, а вот порог.

Михаил побледнел от унижения. По старому новгородскому обычаю ему указывали «путь чист», то есть выкидывали из города как негодную вещь. Отныне темное пятно позора ложилось на весь род Олельковичей.

Дрожащим от ярости голосом князь потребовал жалованье за весь год, однако новгородцы наотрез отказались платить, ссылаясь на неисполнение договора.

Сразу после отъезда бояр темный как туча Михаил Олелькович объявил своим людям о возвращении домой. Накануне отъезда Захария Скара простился со своими самыми верными адептами – священниками Алексеем и Денисом. Оба встали на колени перед Учителем. Захария ласково, как малых детей, погладил их по головам и произнес загадочные слова:

– Придет время, и вас позовут. Вы станете большими людьми и сможете научить многих тому, что познали сами. А пока будьте осторожны. Не открывайтесь никому, если не будете уверены, что на вас не донесут. Пусть вас будет мало, но зато это будут верные. И да хранит вас Бог единый и предвечный!

15 марта киевляне покинули Новгород. Их никто не провожал.

За городской окраиной Захария оглянулся. В свете майского солнца предвестием пожаров полыхал золотой купол Софии. Дивной сказкой уплывал в неведомую даль град обреченный. Мысленно подводя итог вояжа в Великий Новгород, Захария вынужден был признать свою неудачу. Ему так и не удалось наладить торговлю Новгорода с Крымом. Развеялись надежды открыть в городе караимскую синагогу. На полуслове оборвалась проповедь среди гоев. Да, он успел возмутить разум нескольких священников, в городе осталось с десятков его тайных адептов, но он так и не обрел настоящего ученика, которого мог бы ввести в круг Посвященных и открыть ему великие тайны каббалы. Это должен быть человек другого полета,

искушенный в науках и политике, не боящийся подвергнуть сомнению самое заветное и самое запретное. Но где искать такого ученика? Орден святой каббалы ждет от брата Захарии выполнения его восточной миссии.

...Возле богатой солеварнями Русы князь приказал дружине построиться в боевой порядок и взмахнул саблей. С топотом и свистом киевляне ворвались в безмятежный город. Пограбили вволю, не брезгуя ничем, но уже на следующий день, опасаясь погони, Михаил Олелькович приказал ехать дальше.

Покачиваясь в седле, князь думал о том, как вернуть себе Киев. Поскольку в открытой войне с королем шансов нет, оставался один путь – заговор. Удар кинжала или шелковый шнурок иной раз сделают больше, чем целое войско. Казимир много разъезжает по стране, надо только улучшить подходящий момент⁶.

5

Весна выдалась на диво ранняя.

Полсотни рек и речушек хлопотливо натаскали в Ильмень столько воды, что Волхов не смог в одиночку разгрузить озеро, и оно угрожающе вспухло, а потом поломало лед и устремилось на город. Под мощным напором затрепал Великий мост, вода снесла целый пролет вместе с торговыми лавками, и теперь власти наскоро латали переправу, чтобы вновь соединить разделенный стихией Новгород.

Горожане стояли у перил и зачарованно глядели вниз, где плыла спаянная замерзшей шугой и снежурой ледяная река, по которой бесстрашно расхаживали толстоногие вороны. Когда люди поднимали головы, им казалось, что это они сами плывут вместе с ледоходом в неведомую даль.

⁶ На подготовку покушения ушло без малого десять лет. Когда все, наконец было готово и короля, казалось бы, уже ничто не могло спасти, заговор был раскрыт по доносу киевских бояр Ходкевичей. Михаила Олельковича и других заговорщиков схватили и после свирепых пыток торжественно казнили на городской площади (*прим. автора*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.